

ЛАЙЗА ДЖЕНОВА

МОЯ

ТЕМНАЯ

СТОРОНА

Достоверность, разбивающая вам сердце.

The Globe and Mail

Лайза Дженова

Моя темная сторона

«Азбука-Аттикус»

2011

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Дженова Л.

Моя темная сторона / Л. Дженова — «Азбука-Аттикус», 2011

ISBN 978-5-389-19997-2

Сара Никерсон, работающая мать троих детей, хочет успеть все – и она успевает! Но вся ее жизнь, распланированная по минутам, меняется в мгновение ока... После аварии у женщины оказывается даже слишком много свободного времени. Последствия травмы на медицинском языке называются односторонним пространственным игнорированием – для пациента с синдромом игнорирования «не существует» левой стороны пространства. Теперь самое главное – научиться воспринимать мир заново, а для этого нужна огромная внутренняя работа. Саре приходится переоценить и свои возможности, и отношения с близкими, переосмыслить суть многих вещей и понятий. И она находит в себе мужество признать: на самом деле вполне можно игнорировать то, что раньше казалось таким важным, и быть счастливой даже в самых трудных обстоятельствах. Роман ранее издавался под названием «Синдром игнорирования».

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-19997-2

© Дженова Л., 2011

© Азбука-Аттикус, 2011

Содержание

4	5
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	38
Глава 7	42
Глава 8	46
Глава 9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Лайза Дженова

Моя темная сторона

Крису и Итану

4

Lisa Genova
LEFT NEGLECTED

Copyright © 2011 by Lisa Genova
Originally published by Gallery Books, a Division of Simon & Schuster Inc.
All rights reserved

Перевод с английского Анны Олефир

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© А. А. Олефир, перевод, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021 Издательство Иностранка®

Пролог

Казалось, какая-то часть меня понимала, что моя жизнь невыносима. Она то и дело шептала мне: «Сара, пожалуйста, сбавь скорость. Все это тебе не нужно. Ты не можешь так больше». Но остальная я – сильная, умная и нацеленная на успех, успех и еще раз успех, – не слышала ни слова. Если подобным мыслям и удавалось иногда просочиться в мое сознание, я шикала на них, распекала и отправляла обратно на место. Тихий голосок: неужели ты не видишь, что у меня еще миллион дел?

Даже сны начали похлопывать меня по плечу, пытаясь привлечь внимание: «Ты хоть понимаешь, что делаешь? Давай я тебе покажу». Но все *они* исчезали после пробуждения и, как юркие рыбки, пойманные голыми руками, ускользали и уплывали, прежде чем я успевала хорошенько их рассмотреть. Странно, что сейчас я помню все до единого. В последние ночи перед аварией мои сны, видимо, пытались разбудить меня. После всего произошедшего я искренне считаю их намеками, подсказками свыше – посланиями от Бога. А я их игнорировала. Наверное, мне было нужно что-то менее эфемерное и более конкретное.

Например, удар по голове.

Глава 1

– Оставшиеся в живых, готовы?

Джефф, умопомрачительно красивый ведущий телевизионного реалити-шоу, улыбается, затягивая паузу и зная, что сводит нас с ума.

– Мари!

Я бегу по тропическому лесу, мошкара врзается мне в лицо. Я живое ветровое стекло. Меня от них тошнит.

Плюнь на них. Быстрее!

Острые ветки хлещут и царапают лицо, запястья и лодыжки. Течет кровь. Больно.

Плюнь. Еще быстрее!

Ветка цепляется за мою любимую, самую дорогую шелковую блузку и разрывает ее от плеча до локтя.

Отлично, я не смогу ее надеть на утреннее совещание. Потом зашью. Быстреей, быстреей!

Я выбегаю на берег и вижу кучу плавника. Я должна построить плот. Но никаких инструментов не видно. Рою песок руками – инструментов нет. Затем припоминаю карту, которую Джефф мельком показал нам, прежде чем поджечь. Карта горела, а ведущий ухмылялся. Легко веселиться, если твой живот набит едой и ты одет по последнему писку апрельской моды. Я не ела и не была в душе много дней.

– Мам, помоги мне, – ноет Чарли где-то возле моего пояса. Его не должно здесь быть.

– Не сейчас, Чарли. Мне нужно найти красный флаг и набор с инструментами.

– Мам, мам, мам! – не отстают он. Он дергает меня за рваный рукав и раздирает его до манжет.

Отлично, теперь блузка совершенно убита. И сомневаюсь, что до работы у меня будет время переодеться.

Я замечаю красный отблеск над ровным пляжем – метрах в ста отсюда. Я бегу к нему, а Чарли – за мной, отчаянно канюча:

– Мам, мам, мам!

Я смотрю под ноги и вижу повсюду блестящие зеленые и коричневые осколки. Стекла. Не обкатанные морем – свежие стекла, острые и зазубренные. Пляж покрыт битыми бутылками.

– Чарли, стой! Не иди за мной!

Я ловко огибаю стекла на бегу, но потом слышу вопль Чарли, смех Джеффа – и оступаюсь. Зеленый осколок глубоко врзается мне в свод левой стопы. Ужасно больно, море крови.

Наплюй. Быстреей!

Я добегаю до красного флага. Комары лезут в нос, рот и уши, вынуждая меня кашлять и отплевываться. Не тот белок, которого мне не хватает. Я закрываю лицо ладонями, задерживаю дыхание и отхожу на двенадцать шагов к западу от красного флага.

Копая руками, окруженная тучей moskitov, нахожу ящик с инструментами и ковыляю к доскам. Чарли там, сидит на корточках и строит замок из стекла.

– Чарли, прекрати! Ты порежешься.

Но он не слушает и продолжает игру.

Плевать. Быстреей!

Я уже наполовину построила плот, и тут раздается волчий вой.

Громче, громче.

Быстреей!

Половина плота недостаточно прочна, чтобы удержать нас обоих. Я хватаю Чарли, отрывая от стеклянного замка. Он визжит, пинает меня и молотит кулаками, а я тащу его на плот.

– Доберешься на другую сторону – беги за помощью.

– Мама, не бросай меня!

– Здесь опасно. Тебе нужно плыть!

Я спихиваю плот в воду, и его подхватывает сильное течение. Как только Чарли скрывается из виду, волки начинают рвать мою любимую блузку и брюки, раздирая кожу, пожирая меня заживо. Джефф улыбается, а я думаю, умирая: «Почему я вообще захотела играть в эту дурацкую игру?»

Мой личный живой будильник, девятимесячный сын Линус, будит меня блеющим «баааа-баааа!» из динамиков радионяни, и я не успеваю умереть.

Пятница

На обычном будильнике – 5:06, до звонка еще почти час. Решаю встать и выключаю будильник. Честно говоря, не припомню, когда в последний раз просыпалась от «бип-бип-бип», а не от копошения кого-то из троих моих детей. А приятная утренняя дрема – еще более давнее воспоминание. Сделки с собой ради коротких, но блаженных минут валяния в постели: «Еще только девять минут – и пусть я не побрею ноги. Еще девять минут – можно обойтись и без завтрака. Еще девять минут – минус утренний секс». Я не нажимала на эту кнопку уже очень, очень давно. Хм, Чарли семь – значит около семи лет. А кажется, вечность. Теперь я только аккуратно завожу будильник каждый вечер, потому что знаю: единственный раз, когда я этого не сделаю, единственный раз, когда понадеюсь, что мои ангелочки меня разбудят, утром надо будет сдавать какой-нибудь ответственный проект или лететь в важную командировку, и впервые они все будут спать.

Я встаю и смотрю на Боба: он лежит на спине, лицо его расслаблено, глаза закрыты, а рот приоткрыт.

– Поссум, – зову я.

– Я не сплю, – говорит он, не открывая глаз. – Он зовет тебя.

– Он говорит «баба», а не «мама».

– Хочешь, чтобы я к нему пошел?

– Я уже встала.

Я иду босиком по холодному деревянному полу коридора в комнату Линуса. Открыв дверь, вижу, что он стоит у прутьев своей кровати и сосет соску: в одной руке у него ветхое одеяльце, в другой – любимый и еще более ветхий заяц Банни. Линус расплывается в улыбке, когда видит меня, и начинает дергать за прутья. Он похож на прелестного маленького узника, нетерпеливо ожидающего освобождения в последний день заключения.

Я беру Линуса на руки и несу к пеленальному столику, где его радость сменяется досадливым плачем. Он выгибает спину и извивается, изо всех силенок сопротивляясь тому, что происходит пять-шесть раз каждый день. Никогда не пойму, почему он так истово ненавидит смену подгузника.

– Линус, прекрати!

Мне приходится приложить неожиданно большое усилие, чтобы прижать его к столику и всунуть в новый подгузник и одежду. Я пытаюсь успокоить его похлопыванием по животику и песенкой «Ярко, звездочка, сверкай», но сын остается моим непримиримым противником в течение всего процесса переодевания. Пеленальный столик стоит рядом с единственным окном в комнате Линуса, что иногда полезно для разных отвлекающих маневров типа «Смотри, птичка!», но сейчас на улице темно, и даже птички пока не проснулись. Боже правый, еще совсем ночь.

Линус не может проспать всю ночь напролет. Вчера я укачивала его в час, когда он проснулся с криком, а Боб вставал к нему вскоре после трех. В свои девять месяцев Линус еще не говорит, только бубнит «баба-мама-дада». Так что мы не можем ни расспросить его, чтобы выяснить, в чем проблема, ни убедить, ни подкупить. Каждую ночь начинается игра в загадки, в которую нам с Бобом не особенно хочется играть, и мы никогда не выигрываем.

«Как думаешь, у него зубки режутся? Может, дать ему тайленол? Не можем же мы накачивать его лекарствами каждую ночь. Может, у него воспаление уха? Я видела, как он дергает себя за ухо. Он всегда дергает себя за ухо. Может, он потерял соску? Или ему приснился кошмар. Может быть, дело в раздельном сне и стоит взять его к нам в постель? Мы же не хотим, чтобы он к этому привыкал, правда? Что мы делали с двумя другими? Не помню».

То и дело, под влиянием усталости и отчаяния, мы решаем игнорировать его. «Сегодня ночью мы позволим ему проораться». Но выносливость маленького Линуса поразительна, и легкие его не подводят. Как только он решает что-нибудь сделать, то отдается этому целиком. Я полагаю, эта черта здорово пригодится ему в жизни, и потому не уверена, что в этом отношении его стоит перевоспитывать. Обычно он плачет больше часа, а мы с Бобом в это время лежим без сна, не столько игнорируя плач, сколько сосредоточенно слушая его, ища едва заметные изменения ритма, которые могут указывать на то, что конец близок, и не находя их.

Кто-нибудь из других детей, обычно Люси, в конце концов стучит в нашу дверь, входит и сообщает:

– Линус плачет.

– Мы знаем, солнышко.

– Можно мне молока?

Теперь я встаю, чтобы принести Люси молока, а Боб – чтобы успокоить Линуса. План провалился. Младенец опять победил. Счет такой: родители, выпускники Гарварда со степенью магистров делового администрирования, оба отлично умеющие вести переговоры и управлять людьми, – ноль. Девятимесячный ребенок без формального образования и какого-либо опыта – слишком много, чтобы мой усталый мозг это сосчитал.

Одетый и снятый с ужасного пеленального столика, Линус мгновенно успокаивается. Никакой злости, никакого недовольства – только жизнь в настоящем. Я целую и тискаю своего маленького Будду и несу его вниз. Чарли и Люси уже встали. Я слышу, как Люси ходит по своей спальне, а Чарли валяется на кресле-мешке в гостиной и смотрит «Губку Боба».

– Чарли, еще слишком рано для телевизора. Выключи.

Но он совершенно захвачен зрелищем и не слышит меня. По крайней мере, я надеюсь, что не слышит, а не намеренно игнорирует.

Люси выходит из спальни, одетая как городская сумасшедшая.

– Мам, как тебе мой наряд?

На ней белая майка в розовый горошек, напяленная поверх оранжевой рубашки с длинными рукавами, бархатные легинсы леопардовой расцветки под ярко-розовой балетной юбочкой, на ногах угги, а в волосах штук шесть разноцветных заколок-крабов.

– Ты выглядишь потрясающе, милая.

– Я голодная.

– Пойдем со мной.

Мы идем на кухню, и Люси залезает на высокий табурет у кухонной стойки. Я насыпаю две миски хлопьев с пастилой «Лаки чармз» для Люси и Чарли и достаю бутылочку с «Симилаком» для Линуса.

Да, мои дети – персонажи комикса «Арахис». Чарли, семи лет, и Люси, пяти, получили имена без оглядки на комикс. Чарли назвали в честь отца Боба, а имя Люси нам обоим просто нравилось. Затем, когда я неожиданно стала ждать третьего ребенка, через несколько лет после того, как мы раздали или продали на eBay все младенческие вещи, через несколько лет

после того, как мы отпраздновали конец эры подгузников, колясок и динозаврика Барни, нам пришлось придумывать еще одно имя, и мы впали в ступор.

– Предлагаю назвать Шредером, – предложил коллега.

– Нет, Линусом. Или Вудстоком, – возразил другой.

Только тогда я опознала систему, по которой мы назвали двух первых детей. И имя Линус мне понравилось.

Я кормлю Линуса из бутылочки, наблюдая, как Люси выедаёт из хлопьев цветную пастилу – собственно «чармы».

– Чарли, иди есть! Твои хлопья мокнут!

Люси съедает еще две ложки пастилы.

– Чарли!

– Иду, иду.

Чарли забирается на второй табурет рядом с Люси и смотрит в свою миску, как на худшее домашнее задание в жизни.

– Я устал, – заявляет он.

– Тогда зачем ты встал? Иди обратно в кровать.

– Ладно, – говорит он и идет наверх в спальню.

Люси выпивает молоко из кружки, вытирает рот рукавом, спрыгивает со стула и убегает, не сказав ни слова. Спеша освободиться, как сестра, Линус осушает бутылочку и срыгивает без всякой помощи. Я опускаю его на пол, заваленный игрушками и крошками от крекеров-рыбок. Беру мячик и бросаю его в гостиную:

– А где у нас мячик?

Радуюсь, что с ним играют, Линус ползет за мячиком, как веселый щенок.

Оставшись в одиночестве хоть на минуту, я съедаю размякшие хлопья Чарли, потому что должен же кто-то их съесть, потом убираю посуду в раковину, вытираю стойку, ставлю кофе, собираю коробки с обедом и перекус для Чарли и Люси и упаковываю пачку с подгузниками для Линуса. Подписываю для Люси разрешение поехать в «Плимутское поселение», рядом с вопросом «Сможете ли вы сопровождать ребенка?» ставлю галочку «нет». В рюкзаке Чарли нахожу записку от учительницы:

*Дорогие мистер и миссис Никерсон,
табели успеваемости разосланы на прошлой неделе, и я надеюсь, что вы уже успели их просмотреть. Я бы хотела назначить время и встретиться с вами обоими, чтобы поговорить о Чарли. Пожалуйста, позвоните мне, когда вам будет удобно.*

Искренне ваша,

мисс Гэвин

Табель Чарли – не такой, какой каждая мать мечтает видеть у своего ребенка, особенно если эта мать сама всегда-всегда получала отличные оценки. Мы с Бобом предполагали, что проблемы будут, и понимали, что Чарли есть куда расти в плане чтения и концентрации внимания. Прошлый год нас немного подготовил. Но от детсадовских оценок «ниже среднего» по нескольким предметам и воспитательница Чарли, и Боб отмахнулись: «Он же мальчик! К первому классу научится сидеть спокойно и привыкнет к долгому учебному дню. Я вижу такое каждый год. Не беспокойтесь».

Вот теперь он в первом классе, и я беспокоюсь. Он получал либо «Н» («нуждается в исправлении»), либо «З» («ниже ожидаемого») по большинству предметов. Даже Боб побледнел, когда он увидел колонку троек и «Н». Тем не менее на этот раз списать все на пол ребенка не получится. Что же с Чарли не так?

От «Лаки чармз» мне становится нехорошо – не стоило есть столько сахара. Я подхожу к стойке и открываю свой ноутбук, спящий рядом с кофеваркой, – проверяю почту в ожидании кофеина, столь необходимого моему мозгу-наркоману. Шестидесят четыре новых письма.

Прошлым вечером я не легла до полуночи, разбирая почтовый ящик, так что эти все свалились за последние пять часов. Несколько сообщений из офисов Западного побережья, их отправили вчера вечером. По меньшей мере две дюжины – из азиатских и европейских офисов, там уже рабочий день в разгаре. Парочка писем, помеченных «срочно», – от молодого аналитика-паникера из бостонского офиса.

Я слишком долго читаю и отвечаю на почту, и мне никто не мешает. Я прислушиваюсь, но ничего не слышу. Где дети?

– Люси? Линус?

«Губку Боба» в гостиной смотрят только кресла. Я несусь по лестнице в комнату Люси. Они оба там: значит, Люси забыла закрыть дверцу внизу лестницы и Линус прополз до самого верха самостоятельно. Слава богу, он не попытался слезать, потому что сейчас его любимый метод спуска – вниз головой. Но прежде чем я успеваю поблагодарить бога, что малыш цел и невредим, и постучать по деревянному полу, пусть даже только представив возможные последствия и не успев хорошенько отчитать Люси за незапертую дверцу, я настораживаюсь и сосредоточиваю все внимание на Линусе. Он сидит на полу, ничего не исследуя, а его рот подозрительно закрыт. Люси в паре метров от него делает из бусинок украшение. Бусины рассыпаны по всему полу.

– Линус!

Левой рукой я хватаю его за затылок, а указательным пальцем правой лезу ему в рот. Младенец сопротивляется, мотая головой и плотнее сжимая губы.

– Линус, открой! Что у тебя там?

Я нащупываю это что-то. Зацепив пальцем, выковыриваю розовую, как жвачка, пластиковую бусину размером примерно с клюкву. Оскорбленный, ограбленный и совершенно не подозревающий, что его жизнь была в опасности, Линус истошно вопит. Боб уже стоит в дверях – принявший душ, одетый и полный участия.

– Что случилось? – спрашивает он.

– Он чуть не подавился вот этим. – Я протягиваю ему коварную бусину.

– Не, слишком маленькая. С ним все в порядке.

Однако на полу вокруг Люси валяются бусины и побольше, а также несколько монеток, резинок для волос и «супермячик». Комната Люси – просто западня смерти. Что, если бы Линус решил полизать пол? Что, если бы какая-нибудь большая оранжевая бусина показалась ему особенно вкусной? Что, если бы я прибежала сюда слишком поздно? Что, если бы наш сын лежал на полу без дыхания, с посиневшими губами?

Если бы Боб прочитал мои мысли – а он, пожалуй, может, – он бы посоветовал мне не впадать в панику. Он бы велел мне расслабиться и перестать воображать самое худшее. Все в порядке. Все дети суют в рот то, что нельзя. Они пробуют засохшие краски и карандаши, глотают грязь, и камешки, и прочие штуки, о которых мы и не подозреваем. Они даже залезают вверх по лестнице без присмотра. Дети прочные и живучие, им все как с гуся вода.

Но я-то знаю другое. Мне не обязательно воображать самое худшее, чтобы впасть в панику. Я это худшее помню. Иногда дети выживают. А иногда нет.

Я, суеверная, богобоязненная, несколько обсессивно-компульсивная перфекционистка первого типа, зажимаю бусину в кулаке, стучу этим кулаком по деревянному столбику кровати, благодаря Бога, что сохранил Линуса, и набрасываюсь на его сестру.

– Люси, твоя комната – просто катастрофа! Нужно собрать все бусины.

– Но я делаю ожерелье, – ноет она.

– Давай я тебе помогу, Гусена, – говорит Боб, опускаясь на колени и собирая бусины. – А почему бы тебе не выбрать на сегодня какое-нибудь из тех, что ты уже сделала? Тогда ты можешь пойти вниз вместе со мной и Линусом.

– Чарли еще не оделся и не ел, – говорю я, соглашаясь с предложением и передавая родительскую эстафету Бобу.

Быстро приняв душ, я стою голая перед ростовым зеркалом в спальне и оцениваю себя, одновременно втирая «Лубридерм» в руки и ноги.

«Н», «нуждается в исправлении».

Я все еще вешу на пятнадцать фунтов больше, чем до Линуса, а это, если уж совсем честно, на десять фунтов превышает мой вес до Чарли. Я оттягиваю складку рыхлого теста, в которое превратился мой упругий живот, и провожу взглядом по полоске ржавого цвета, и не собирающейся блекнуть – она тянется от точки на пару дюймов выше пупка до волос на лобке. И смотрю дальше, на подушки плоти, облегающие мои бедренные кости, которые сильно разошлись, пропуская Линуса, самого крупного из моих детей. После этого я стала обладательницей более широких бедер и полного шкафа брюк, которые уже никогда на мне не застегнутся.

Спортзал, куда я записана, правильнее назвать любимым объектом благотворительности. Я там ни разу не была. На самом деле мне стоило бы аннулировать членство, вместо того чтобы, по сути, дарить клубу по сотне долларов в месяц. У нас в подвале тоже есть устройства, стоящие там, словно статуи, и собирающие пыль: эллиптический тренажер, «Боуфлекс» с усилителями и гребной тренажер, который Боб купил мне на Рождество, когда я была на восьмом месяце беременности (с ума он, что ли, сошел?). Я прохожу мимо этих громоздких предметов всякий раз, когда иду стирать, что при трех детях случается часто. Я всегда стараюсь проскочить мимо них побыстрее, не глядя, как будто мы крепко поругались и я теперь их демонстративно игнорирую. Это срабатывает. Они ко мне никогда не пристают.

Я втираю в ладони оставшийся «Лубридерм».

«Не будь такой строгой к себе», – думаю я, зная за собой такую склонность.

Линусу всего девять месяцев. В голове всплывает фраза «Девять месяцев растем, девять – уменьшаемся» из книжки «Советы подружке, как вернуться в форму». Автор полагает, что у меня есть время на такие штуки, как маникюр, шопинг и закрытые показы мод, и что форма для меня – самое главное. Не то чтобы я не хотела вернуться в форму – она есть в моем списке приоритетов. Но, увы, ближе к концу, где я едва могу ее разглядеть.

Прежде чем одеться, медлю: осталась еще одна, последняя оценка. Моя светлая кожа покрыта веснушками – милое наследство матери-шотландки. В детстве я соединяла пятнышки ручкой, получая созвездия и татуировки. Больше всех я любила идеальную пятиконечную звезду, которую мои веснушки образовывали на левом бедре. Но это было давно, в восьмидесятые, до того, как я узнала о лосьонах для загара. Тогда мы с друзьями приносили на пляж бутылочки детского масла и буквально прожаривались на солнце. Теперь врачи и СМИ в один голос твердят, что мои веснушки – возрастные пятна и следы солнечных ожогов.

Я прячу большую часть «следов» под белой блузкой и черным «костюмом силы» от Эли Тахари. В этом костюме я чувствую себя как мужчина – в хорошем смысле. Идеально для предстоящего дня. Я насухо вытираю волосы и размазываю по ним пригоршню эмульсии «Шайн-энд-холд». В моих волосах – золотисто-каштановых, густых и волнистых, длиной до плеч – нет ничего мужского. Может быть, я толстая и рябая и одета как мужчина, но мои прекрасные волосы мне очень нравятся.

Машинально наношу на лицо тональный крем, румяна, подводку и тушь, спускаюсь на первый этаж и снова вступаю в игру. Теперь на кресле-мешке сидит Люси, подпевая Доре-следопыту, а Линус, посаженный в манеж рядом с ней, обсасывает голову водителя игрушечного школьного автобуса. На кухне Боб в одиночестве пьет кофе из своей гарвардской кружки и читает «Уолл-стрит джорнэл».

– Где Чарли? – спрашиваю я.

- Одевается.
- Он поел?
- Хлопья с соком.

Как он это делает? Боб-при-всех-трех-детях – совсем иная картина, чем Сара-при-всех-трех-детях. При Бобе дети радостно превращаются в независимых маленьких сами-себе-хозяев и с удовольствием оставляют отца в покое, пока он не придет и не предложит новое занятие. Я же обладаю могучей притягательностью рок-звезды без телохранителей. Дети сразу оказываются *на* мне. Типичный пример: Линус путается у меня под ногами, хныча и просясь на ручки, Люси из другой комнаты кричит: «Мам, помоги!» – а Чарли задает сорок семь сотен вопросов подряд о том, что происходит с мусором, когда его выбрасывают.

Я беру свою кружку с кофе и сажусь напротив Боба – это наше утреннее совещание. Делаю глоток. Кофе остыл. Ну и ладно.

- Ты видел записку от учительницы Чарли? – спрашиваю я.
- Нет, а что?
- Она хочет поговорить с нами о его табеле.
- Хорошо, я хочу понять, что происходит.

Он лезет в свою сумку и достает айфон.

- Как думаешь, она сможет поговорить с нами до уроков? – спрашивает он.

Я беру со стойки ноутбук и возвращаюсь на место.

– Я могу утром в среду и пятницу; возможно, в четверг, если что-нибудь передвину, – отвечаю я.

- Я могу в четверг. У тебя есть ее имейл?
- Ага.

Отправляю мисс Гэвин письмо.

- Ты идешь сегодня смотреть его игру? – спрашивает Боб.
- Нет, а ты?
- Я, скорее всего, вернусь позже, помнишь?
- Ах да. Я не могу, у меня весь день забит.
- Ладно. Просто хотелось бы, чтобы кто-нибудь из нас пришел посмотреть на него.
- Мне тоже, милый.

Я верю, что Боб совершенно искренен, однако не могу не перевести в уме его «просто хотелось бы, чтобы кто-нибудь из нас» в «хотелось бы, чтобы ты». И раз уж все шестеренки моего внутреннего переводчика завертели, «хотелось бы» превращается в «должна». Большинство велмонтских женщин, имеющих детей возраста Чарли, никогда не пропускают детский футбол и приходят туда не ради особого статуса «хорошей матери». Просто хорошие матери так поступают. Те же самые матери объявляют исключительным событием, если какой-нибудь из отцов уходит с работы пораньше, чтобы попасть на игру. Мужчины, одобрительно вопящие у боковой линии, почитаются великолепными отцами. Отцы, которые не ходят на матчи, заняты на работе. Матери вроде меня, пропускающие игры, – плохие матери.

Стандартная доза материнской вины падает на дно моего желудка, в месиво из холодного кофе и «Лаки чармз». Не совсем завтрак чемпионов.

- Эбби может остаться и на него посмотреть, – говорю я, убеждая сама себя.

Эбби – наша няня. Она начала работать у нас, когда Чарли было двенадцать недель от роду, а мой послеродовой отпуск закончился. Мы безумно радовались, что заполучили ее. Эбби тогда было двадцать два, она только окончила колледж по специальности «психология» и жила всего в десяти минутах от нас, в Ньютоне. Она умна, добросовестна, чрезвычайно энергична и любит наших детей.

Пока Чарли и Люси не доросли до детского сада, Эбби сидела с ними с половины восьмого утра до половины седьмого вечера с понедельника по пятницу. Она меняла им подгузники,

укладывала спать, читала сказки, вытирала слезы, учила играм и песенкам, купала и кормила. Она покупала продукты и убирала дом. Она стала полноправным членом нашей семьи. Не могу себе представить нашу жизнь без нее. По правде говоря, если бы мне пришлось выбирать между Бобом и Эбби, временами мне было бы трудно выбрать Боба.

Этой весной Эбби сообщила нам немыслимое: она уйдет от нас, чтобы получить в Бостонском колледже магистерскую степень по детскому образованию и воспитанию. Мы были ошеломлены, впали в панику. Мы не могли потерять ее. Так что мы пришли к соглашению: притом что Чарли и Люси будут в школе по семь часов в день, мы хотели отдавать Линуса в ясли на то же время. Это означало, что Эбби будет нужна нам только с трех до половины седьмого, а мы частично будем оплачивать ее обучение.

Конечно же, мы могли бы изучить сайт объявлений «Крейгслист» и найти кого-нибудь, кто бы, возможно, нас устроил и уж точно обошелся бы дешевле. Или нанять кого-нибудь через сообщество по поиску нянь. Но Эбби уже знает наших детей: их привычки, настроения, что они любят. Она умеет справляться с расспросами Чарли, вспышками гнева Люси и никогда-никогда не забывает взять с собой Банни, куда бы ни направлялся Линус. И Эбби уже любит наших детей. Может ли «слишком дорого» стоить точное знание, что твоих детей действительно любят, когда ты не с ними?

Чарли влетает в кухню, едва дыша:

– Где мои карточки с покемонами?

– Чарли, ты все еще в пижаме. Забудь о покемонах. Иди одеваться, – говорю я.

– Но мне нужны мои карточки!

– Штаны, рубашка, ботинки. И выключи у себя свет, – велю я.

Чарли негодуяще запрокидывает голову, но подчиняется и уносится обратно в свою комнату.

– Что-нибудь по дому? – спрашивает Боб.

– Ты позвонишь наладчику по поводу гаражной двери в этот раз?

– Ага, собираюсь.

Наш автоматический открыватель дверей – одна из самых новых моделей, у него есть видеодатчик, не дающий двери закрыться, если под дверью что-то находится: к примеру, маленький ребенок. Теоретически это прекрасное умение с точки зрения безопасности, но в реальности оно сводит нас с ума. Кто-то из детей, мы подозреваем Чарли, все время стучит по глазку датчика справа, так что он перекашивается и не видит левую сторону. А когда у датчика косоглазие, он вообще перестает работать.

В детстве мы с моим братом Нейтом часто играли в Индиану Джонса с нашей автоматической гаражной дверью. Один из нас нажимал кнопку на пульте дистанционного управления, а потом мы проверяли, у кого больше храбрости, чтобы прождать как можно дольше и с разбегу прокатиться под закрывающейся дверью. В те времена не было никаких конструкций безопасности, открыватель дверей был совершенно слеп. Игра потеряла бы всю свою увлекательность, если убрать из нее риск оказаться раздавленным насмерть или по меньшей мере болезненно прижатым. Нейт в этом деле был докой – он нырял и прокатывался под дверью в последнюю секунду. Господи, я до сих пор по нему скучаю!

Чарли врывается в кухню, одетый в футболку и шорты и босой.

– Мам, а что будет, если на Земле кончится гравитация?

– Что я велела тебе надеть?

Молчание.

– Сейчас ноябрь, тебе нужны штаны, рубашка с длинным рукавом и ботинки, – указываю я.

Смотрю на часы: семь пятнадцать. Чарли по-прежнему стоит на месте, наверное, ждет ответа про гравитацию.

– Иди же!

– Пойдем, парень, подберем тебе что-нибудь получше, – говорит Боб, и они уходят.

Я всовываю двоих других детей в куртки и шапки, отсылаю еще несколько писем, запикиваю Линуса в его автокресло, прослушиваю рабочую голосовую почту, собираю собственную сумку, оставляю Эбби записку насчет футбола, допиваю остатки холодного кофе и наконец встречаюсь с Бобом и по сезону одетым Чарли у передней двери.

– Готова? – спрашивает Боб, поворачиваясь ко мне.

Мы оба вскидываем кулаки.

– Готова.

Сегодня пятница. Боб развозит детей в школу и сад по вторникам и четвергам, а я – по понедельникам и средам. Пятница ни к кому не приписана. Если кто-то из нас не приведет неоспоримый довод в пользу попадания на работу до начала школы, мы разыгрываем развозку. Ножницы режут бумагу, бумага оборачивает камень, камень ломает ножницы. Мы оба относимся к этой игре предельно серьезно. Приз победителю достается роскошный: ехать прямо на работу, без детей в машине – райское наслаждение.

– Раз, два, три, старт!

Боб ударяет сжатым кулаком по моему «знаку мира» и победоносно ухмыляется. Выигрывает он значительно чаще, чем проигрывает.

– Гнусный везунчик!

– Это опыт, детка. Хорошего дня, – говорит он.

– Тебе тоже.

На прощание мы целуемся. Это наш обычный утренний прощальный поцелуй – быстрое касание губ. Благонамеренная привычка. Я опускаю взгляд и замечаю рядом Люси: ее голубые глаза внимательно следят за нами. Я мгновенно припоминаю, как следила за своими целующимися родителями, когда была маленькой. Они целовали друг друга при встрече, на прощание и перед сном – как я бы целовала какую-нибудь тетушку, – и меня охватывало ужасное разочарование. В этом не было никакой драмы. Я обещала себе, что когда выйду замуж, то мои поцелуи всегда будут что-то значить. Поцелуи, от которых у меня будут слабеть колени, поцелуи, смущающие детей, – как Хан Соло целовал принцессу Лею. Я никогда не видела, чтобы отец так целовал мать. В чем же тогда смысл? Я так этого и не поняла.

Теперь понимаю. Мы живем не в блокбастере Джорджа Лукаса. Наш утренний прощальный поцелуй не романтичен и уж точно никак не связан с сексом. Это рутинный поцелуй, но я рада, что мы это делаем. Он что-то значит – этого достаточно. И это все, на что у нас хватает времени.

Глава 2

– *Мам, можно мне кусочек?* – спрашивает Люси.

– *Конечно, солнышко, какой ты хочешь?*

– *Можно твои глаза?*

– *Возьми один.*

Я вынимаю свой левый глаз из глазницы. На ощупь он немного похож на фаршированное яйцо, но теплее. Люси выхватывает глаз из моей руки и, подпрыгивая, бежит прочь, на бегу ударяя им о землю, как «супермячиком».

– *Поосторожней: он мне еще понадобится!*

Я сижу за кухонным столом, глядя одним глазом на сотни цифр в экселевской таблице. Я щелкаю курсором по пустой клетке и ввожу новые данные. Пока я набираю цифры, глаз замечает что-то чуть выше и дальше моего фокуса на экране ноутбука. Мой отец, одетый в полную форму пожарного, сидит на стуле напротив меня.

– *Привет, Сара.*

– *Господи боже, папа, ты напугал меня до смерти!*

– *Мне нужно, чтобы ты отдала мне свой аппендикс.*

– *Нет, он мой.*

– *Сара, не пререкайся. Он мне нужен.*

– *Никому не нужен даже собственный аппендикс, папа. И новый тебе незачем.*

– *Тогда почему он убил меня?*

Я перевожу взгляд на свой ноутбук. На экране появляется презентация в «Пауэр-пойнте». Я читаю:

Почему лопнул аппендикс твоего отца

В течение двух дней у него были сильные боли в животе и он ничего не сделал с этим, только выпил немного пепто-бисмола и некоторое количество виски.

• *Он игнорировал сильную тошноту и не обращал внимания на легкий жар.*

• *Ты была в колледже, твоя мать – у себя в спальне, а он не позвонил в скорую помощь или службу 911.*

• *Аппендикс воспалился и наполнился ядом.*

Как любая живая плоть, которую игнорировали слишком долго, аппендикс в конце концов не смог уже этого выносить и сделал все необходимое, чтобы привлечь к себе внимание.

Я поднимаю глаза на отца. Он по-прежнему ждет ответа.

– *Потому что ты игнорировал свои ощущения.*

– *Может, я и мертв, но я все равно твой отец. Отдай мне свой аппендикс.*

– *Он вообще не нужен. Без него тебе лучше.*

– *Именно.*

Он все так же пристально смотрит, транслируя мысль в мое сознание, словно радиосигнал, через мой единственный глаз.

– *Со мной все будет в порядке. Не беспокойся, – говорю я.*

– *Мы все за тебя беспокоимся, Сара.*

– *Со мной все в порядке. Мне просто нужно закончить этот отчет.*

Я смотрю на экран – цифры пропали.

– *Черт!*

Я поднимаю глаза – отец исчез.

– *Черт!*

В кухню вбегает Чарли.

– Ты сказала «черт»! – объявляет он в восторге, что может наябедничать на меня, пусть даже мне самой.

– Знаю, виновата, – отвечаю я, не отрывая единственный глаз от экрана компьютера, и лихорадочно пытаюсь придумать какой-нибудь способ вернуть все данные. Мне нужно закончить этот отчет.

– Это плохое слово.

– Я знаю и прошу прощения, – говорю я, нажимая на все возможные клавиши.

Я не смотрю на сына и очень хочу, чтобы он понял намек. Этого не происходит никогда.

– Мам, ты же знаешь, что я плохо слушаю?

– Да. Ты меня прямо с умаводишь.

– Можно мне взять твои уши?

– Можешь взять одно.

– Я хочу оба.

– Одно.

– Оба, я хочу оба!

– Ладно!

Я откручиваю уши от головы и бросаю их, словно пару игральных костей, через стол. Чарли прикрепляет их поверх собственных, как наушники, и наклоняет голову, будто прислушивается к чему-то вдалеке. Улыбается, довольный. Я тоже пытаюсь это услышать, но потом вспоминаю, что у меня нет ушей. Чарли что-то говорит и убегает.

– Эй, мои сережки!

Но он уже скрылся из виду. Возвращаюсь к экрану компьютера. По крайней мере, Чарли ушел, и я смогу спокойно сосредоточиться в тишине.

Парадная дверь открывается. По другую сторону стола стоит Боб и смотрит на меня. Его глаза наполняются смесью печали и отвращения. Он что-то говорит.

– Я не слышу тебя, милый. Я отдала свои уши Чарли.

Он снова что-то говорит.

– Я не понимаю, что ты говоришь.

Он бросает сумку и встает на колени рядом со мной. Он захлопывает мой ноутбук и обнимает меня за плечи, почти до боли.

Он что-то кричит мне. Я по-прежнему не слышу его, но знаю, что он кричит, – по напряжению в его глазах и синим жилкам, проступившим на шее. Он кричит то же самое, что пытался сказать, будто в замедленной съемке, так что я читаю по губам.

– Прогнись.

Я поднимаю голову и смотрю на потолок.

– Не понимаю.

Он выкрикивает это снова и снова, тряся меня за плечи.

– Проснись?

– Да! – кричит он и перестает меня трясти.

– Я не сплю.

– Нет, спишь.

Понедельник

Велмонт – богатый пригород Бостона с трехполосными улицами, благоустроенными дворами, велосипедной дорожкой, петляющей по всему городу, закрытым загородным клубом и площадкой для гольфа, с центром, утыканным бутиками, спа-салонами, магазином «Гэп» и школами, которыми все хвалятся как лучшими в штате. Мы с Бобом выбрали этот городок из-за его близости к Бостону, где мы оба работаем, и из-за успешной жизни, которую он обещает. Если в Велмонте и найдется дом, стоящий меньше полумиллиона долларов, ушлый подрядчик

тут же купит его, сроет до основания и построит что-нибудь в три раза больше по размеру и цене. Практически каждый житель города ездит на роскошной машине, проводит отпуск на Карибах, входит в закрытый клуб и владеет еще одним домом на полуострове Кейп-Код или в горах к северу от Бостона. Наш дом – в Вермонте.

Мы с Бобом переехали сюда почти сразу после Гарвардской школы бизнеса, когда я была беременна Чарли. При долгах в двести тысяч долларов по студенческим кредитам и отсутствию каких-либо сбережений позволить себе Велмонт и все, что идет с ним в комплекте, было чрезвычайно смелым шагом. Но мы оба устроились на перспективную работу и непоколебимо верили в свою возможность хорошо зарабатывать. Спустя восемь лет у нас, по велмонтским меркам, все как у людей.

Велмонтская начальная школа находится примерно в трех милях и десяти минутах от нашего дома, на Пилгрим-лейн. Остановившись на светофоре, я смотрю в зеркало заднего вида. Чарли сидит посередине, играет во что-то на своей «нинтендо». Люси смотрит в окно, подпевая песенке из «Ханны Монтана», звучащей с ее айпода. А Линус, чье автокресло уставлено задом наперед, сосет соску и смотрит «Элмоз ворлд» в зеркале, которое Боб пристроил на подголовнике заднего сиденья, – видео показывает за его спиной дивиди-плеер, входящий в стандартный комплект моей «Акуры-SUV». Никто не плачет, не жалуется и ни о чем меня не просит. Вот они, чудеса высоких технологий!

Я все еще злюсь на Боба. У меня в восемь – совещание с Европой по вопросам подбора персонала. Это для важного клиента, и я нервничаю из-за него, а теперь вдобавок беспокоюсь, попаду ли туда вовремя, потому что сегодня понедельник – день, когда детей в школу и сад отвожу я. Когда я сказала о собрании Бобу, он посмотрел на часы и ответил: «Не волнуйся, все у тебя получится». Я-то надеялась не на дзен-буддийский прогноз.

Чарли и Люси включены в школьную программу «До уроков», которая проходит каждый день в спортзале с семи пятнадцати до восьми двадцати. Там дети, чьим родителям нужно попасть на работу до девяти часов, развлекаются под надзором учителя, пока в половине девятого не начнется официальный учебный день. При стоимости всего пять долларов в день на ребенка «До уроков» – поистине экономическая манна небесная.

Когда Чарли впервые пошел в садик, я очень удивилась, увидев на «До уроков» лишь пару-тройку детей из его группы. Я-то полагала, что эта услуга необходима всем родителям в городке. Потом я предположила, что у большинства детей няни живут с ними. Для некоторых это оказалось верно, но у большинства велмонтских детишек, как выяснилось, матери предпочли покинуть ряды трудящихся и стать домохозяйками – все с университетским образованием и даже с учеными степенями. Мне бы такое и за миллион лет в голову не пришло. Не представляю, как можно бросить работу, отправить псу под хвост все образование и опыт. Я люблю своих детей и они важны для меня, но так же важны и моя карьера, и стиль жизни, который эта карьера нам позволяет.

Припарковавшись на школьной стоянке, хватаю оба детских рюкзака – честное слово, они весят больше, чем сами дети, – выбираюсь из машины и открываю заднюю дверь, словно шофер. Кого я дурачу? Не «словно шофер», а я и есть шофер. Никто из детей не двигается с места.

– Быстрей, идем!

По-прежнему прикованные к своим электронным устройствам, без всякого намека на «быстрей», Чарли и Люси выползают из машины и плетутся, словно улитки, к парадному входу в школу.

Я спешу за ними, оставив Линуса в машине, – с включенными мотором и «Элмо».

Я знаю, кто-нибудь из «Шестидесяти минут» или «Дейтлайн Эн-би-си» устроил бы мне за это выволочку, и я почти жду, что не сегодня завтра из-за соседнего «вольво» выскочит Крис Хансен. Я даже мысленно отрепетировала речь в свою защиту. Во-первых, автокресло

Линуса – кресло, в котором обязаны находиться в машине все дети младше года, – возмутительно тяжелое: девятнадцать фунтов. Добавим к этому Линуса, весящего почти столько же, и неудобную ручку – и становится физически невозможно куда-либо его отнести. Я бы с радостью побеседовала с тем исключительно сильным и явно бездетным человеком, который проектировал это кресло. Линус всем доволен, смотрит «Элмо» – зачем же его трогать? Велмонт – безопасный городок. Я убегу всего на несколько секунд.

Для первой недели ноября погода не по сезону теплая. Только вчера Чарли и Люси ходили на улице во флисовых шапках и варежках, но сегодня почти пятьдесят по Фаренгейту, и им даже куртки, по сути, не нужны. Без сомнения, из-за погоды школьная спортивно-игровая площадка до отказа забита шумными детьми, что нетипично для утра. Это привлекает внимание Чарли, и не успеваем мы дойти до дверей, как он уносится прочь.

– Чарли! Вернись сейчас же!

Он и ухом не ведет – летит прямо к рукоходу, не оглядываясь. Я подхватываю Люси левой рукой и бегу за ним.

– У меня нет времени на это, – сообщаю я Люси, моей маленькой союзнице.

К тому времени, как я добегаю до рукохода, единственной приметой Чарли оказывается его куртка, скомканная и брошенная на грудь щепок. Я подбираю ее рукой, в которой и так уже два рюкзака, и оглядываю площадку.

– Чарли!

Я почти сразу его замечая. Он сидит на самой верхушке «муравейника».

– Чарли, спускайся сейчас же!

Он делает вид, что меня не слышит, но ближайšie мамочки реагируют. Очевидно, в распоряжении этих мамочек, одетых в дизайнерские свитера, футболки и джинсы, теннисные туфли и сабо, все время мира, раз они торчат на школьной спортплощадке с утра. Я чувствую осуждение в их взглядах и воображаю, что они себе думают:

«Он всего лишь хочет поиграть на свежем воздухе в это прекрасное утро, как все прочие дети».

«Помрет она, что ли, если позволит ему немного поиграть?»

«Заметили? Он ее никогда не слушается. Она не умеет обращаться с собственными детьми».

– Чарли, пожалуйста, спускайся и пойдем со мной. Мне нужно успеть на работу.

Он не двигается с места.

– Ладно. Раз!

Он ревет, словно лев, на группу детей, наблюдающих за ним снизу.

– Два!

Он не двигается.

– Три!

Ничего. Убила бы. Я смотрю на свои трехдюймовые шпильки от «Коул Хаан» и целую безумную секунду размышляю, смогу ли в них лазать. Потом вижу свои часы от «Картъе», на которых уже половина восьмого. Ну, хватит.

– Чарли, сейчас же, или неделю без видеоигр.

Это срабатывает. Он встает, поворачивается ко мне спиной и повисает на перекладине, но, вместо того чтобы дотянуться ногами до нижней ступеньки, сгибает колени и взлетает в воздух. Я и пара мамочек судорожно ахаем. За долю секунды я успеваю представить сломанные ноги и поврежденный позвоночник, но Чарли, улыбаясь, вскакивает с земли. Слава богу, он резиновый. Мальчишки, наблюдавшие за его смертельным трюком, разражаются восхищенными воплями. Девчонки, играющие поблизости, как будто вообще его не заметили. Мамочки теперь выжидающе смотрят, как я справлюсь с дальнейшим представлением.

Зная, что Чарли и сейчас может сбежать, я отпускаю Люси и хватаю сына за руку.

– Ой, больно!

– Очень жаль.

Он тянет меня за руку изо всех сил, висая на мне и пытаясь вырваться, как возбужденный доberman на поводке. Моя ладонь вспотела, и рука Чарли начинает выskalывать. Я сильнее сжимаю хват. Он сильнее тянет.

– Меня возьми за ручку, – ноет Люси.

– Не могу, солнышко, пойдём.

– Я хочу идти за ручку! – визжит она, не двигаясь с места, уже на грани вспышки гнева.

Я быстро обдумываю ситуацию:

– Возьми за руку Чарли.

Чарли мгновенно облизывает свободную ладонь и подает ей.

– Фу, гадость! – вопит Люси.

– Ладно, вот.

Я передвигаю два рюкзака и куртку Чарли ближе к локтю и, таща по ребенку в каждой руке, вбегаю в Велмонтскую начальную школу.

В спортзале ужасно жарко и все те же действующие лица. Девочки сидят у стены, читая, болтая или просто наблюдая за мальчиками, играющими в баскетбол и бегающими по всему залу. Как только я отпускаю руку Чарли, он срывается с места. Я не нахожу в себе сил и желания окликнуть его и нормально попрощаться.

– Хорошего тебе дня, моя Люсена-Гусена.

– Пока, мам.

Я целую ее красивую головку и сбрасываю рюкзаки на грудь портфелей на полу. Здесь нет мам или пап, болтающихся без дела. Я не знакома с родителями, оставляющими здесь детей. Некоторых детей я знаю по именам и, пожалуй, могу вычислить, кто чей родитель. К примеру, вон та женщина – мама Хилари. Большинство родителей вбегают и тут же убегают, на болтовню у них нет времени. Не особенно много зная об этих родителях, я прекрасно их понимаю.

Единственную родительницу в «До уроков», которую я знаю по имени, зовут Хайди – это мама Бена, сейчас она тоже выходит из зала. Хайди всегда в медицинской форме и фиолетовых кроксах – она кто-то вроде медсестры. Я знаю, как ее зовут, потому что Бен дружит с Чарли, и Хайди иногда подвозит Чарли домой после футбола, а еще потому, что она дружелюбна и энергична и множество раз за прошедший год одаривала меня своей искренней улыбкой, выражающей море понимания и сочувствия.

«Я понимаю, у меня тоже дети».

«Понимаю, у меня тоже работа».

«Понимаю, я тоже уже опаздываю».

«Я тебя понимаю».

– Как у тебя дела? – спрашивает Хайди, пока мы идем по коридору.

– Хорошо, а у тебя?

– Хорошо. Сто лет не видела вас с Линусом. Наверное, он уже совсем большой вырос.

– О боже, Линус!

Без всяких объяснений я срываюсь и бегу от Хайди прочь по коридору, вон из школы, вниз по ступенькам парадного входа – к своей работающей машине; слава богу, она по-прежнему на месте. Я слышу рев Линуса даже прежде, чем берусь за ручку двери.

Банни на полу, дивиди-плеер показывает меню, но материнские уши и сердце знают, что плачет мой малыш не по плюшевому любимцу и не по красному «маппету». Как только видео закончилось и Линус вышел из колдовского транса, он наверняка понял, что заперт в машине один. Брошен. А ведь страх, что тебя бросят, – главный для ребенка этого возраста. Красное личико Линуса и волосенки надо лбом все мокрые от слез.

– Линус, прости меня, мне ужасно жаль!

Я как можно быстрее вытаскиваю его из кресла, а он орет. Я беру его на руки, обнимаю и глажу по спинке. Он выпускает лужицу соплей на воротник моей рубашки.

– Ш-ш-ш, все хорошо, у тебя уже все хорошо.

Это на него не действует. Его рыдания становятся только громче. Линус не собирается прощать меня вот так запросто, и я его ни капли не виню. Но если все равно не выходит успокоить его, то с тем же успехом можно ехать в ясли. Я засовываю безутешного ребенка обратно в автокресло и еду в «Санни хорайзонз», а Линус дико вопит.

Я вручаю все еще ревущего Линуса, Банни и пачку подгузников одной из ясельных воспитательниц – доброй молодой бразильянке, новенькой.

– Ш-ш-ш, Линус, уже все хорошо. Линус, солнышко, все хорошо. – Я делаю последнюю попытку успокоить его. Ненавижу оставлять его в таком состоянии.

– С ним все будет в порядке, миссис Никерсон. Вы лучше просто идите.

Вернувшись в машину, я выдыхаю: наконец-то я еду на работу. Часы на приборной панели показывают без десяти восемь. Очевидно, я опоздаю. Опять. Стиснув зубы и руль, я отъезжаю от сада и начинаю копаться в сумке, ища сотовый телефон.

Моя сумка до нелепости огромна. В зависимости от того, где я и с кем, она служит дипломатом, дамской сумочкой, мешком с подгузниками или рюкзаком. Где бы и с кем я ни была, с этой штукой я чувствую себя шерпом. Роясь в поисках телефона, я натываюсь на ноутбук, цветные мелки, ручки, бумажник, помаду, ключи, крекеры, пакет сока, визитки, тампоны, подгузник, квитанции, лейкопластырь, пачку влажных салфеток для рук, калькулятор и папки с бумагами. Но телефона не нахожу. Вываливаю содержимое сумки на пассажирское сиденье и снова ищу.

Черт, да где же он? У меня не больше пяти минут, чтобы его найти. Тут я понимаю, что мои глаза куда больше смотрят на пассажирское сиденье и пол, чем на дорогу. Парень, пролетающий мимо по правому ряду, показывает мне средний палец. И говорит по сотовому.

Я вдруг вижу свой телефон, но только мысленным взором: он лежит на кухонном столе. Черт, черт, черт! А я – на Масс-Пайке, минутах в двадцати от работы. Секунду я размышляю, куда можно заехать позвонить с таксофона. Но потом думаю: «А существуют ли еще таксофоны?» Я не могу припомнить, когда последний раз где-нибудь видела его. Завернуть в аптеку или «Старбакс»? Там какой-нибудь добрый человек может дать мне позвонить со своего телефона. «Лишняя минута. Сара, твоё совещание будет идти целый час. Просто езжай туда».

На полном газу, словно гонщик в заезде NASCAR, я пытаюсь мысленно собрать воедино все подготовленные мной данные к собранию, но мне трудно сосредоточиться. Я не могу думать. И до въезда в гараж «Пруденшиэла» я не замечаю, что мои мысли пытаются перекричать видео Линуса.

«Элмо хочет побольше узнать о семьях».

Глава 3

Я сижу в первом ряду Театра Вана, чуть правее середины. Гляжу на часы, снова поднимаю глаза и вытягиваю шею, выискивая среди плотной толпы в проходах лицо Боба. Ко мне идет невысокая пожилая дама. Сначала я думаю, что она хочет мне сказать что-то важное, но потом понимаю, что старушка нацеливается на пустое кресло слева от меня.

– Это место занято, – говорю я и кладу на кресло руку.

– Здесь кто-то сидит? – спрашивает дама, ее карие глаза мутноваты и выражают растерянность.

– Будут сидеть.

– А?

– БУДУТ СИДЕТЬ.

– Я ничего не увижу, если не буду сидеть впереди.

– Извините, здесь занято.

Мутный старческий взгляд вдруг становится ярким и пронзительным:

– Я бы не была так уверена.

Мужчина двумя рядами дальше встает с места и уходит вверх по проходу, возможно в туалет. Старушка замечает это и оставляет меня в покое.

Я трогаю ворот своего облегающего пиджака. Не хочется раздеваться. В театре холодно, и в пиджаке я чувствую себя прекрасно. Но я не хочу, чтобы кто-то занял место Боба. Сверяю время и билет – я именно там, где и должна быть. Но где же Боб? Снимаю пиджак и прикрываю им соседнее кресло. Холодок разбегаются по спине к плечам. Я потираю голые руки.

Снова ищу взглядом Боба, но вскоре отвлекаюсь, завороженная великолепием театра: имперский занавес красного бархата, высокие колонны, античные мраморные статуи. Я смотрю вверх: вместо потолка – открытый воздух, захватывающий дух вид ночного неба. Все еще зачарованная звездами над головой, чувствую легкую тень, упавшую на мое лицо. Я ожидаю увидеть Боба, но это Ричард, мой начальник. Он спихивает мой пиджак на пол и плюхается в кресло.

– Удивлен, что вижу тебя здесь, – говорит он.

– Ничего странного. Я так хочу увидеть этот спектакль.

– Сара, представление закончилось. Ты все пропустила.

Что? Я оглядываюсь на людей, стоящих в проходах, и вижу только затылки: все уходят.

Вторник

Сейчас половина четвертого, и у меня первый перерыв за день – полчаса перед следующим совещанием. Я приступаю к салату «Цезарь» с курицей, который ассистентка заказала мне на обед, и перезваниваю в сиэтлский офис. Жую салат, слушаю гудки в ожидании ответа и одновременно просматриваю письма, скопившиеся в почтовом ящике. Менеджер снимает трубку и просит меня помочь решить, кто из четырех тысяч наших консультантов свободен и лучше подойдет для проекта по информационным технологиям, начинающегося на следующей неделе. Я говорю с ним, параллельно отвечая на письма из Англии по поводу аттестации сотрудников, и ем.

Уже и не припомню, когда я научилась вести два совершенно разных профессиональных диалога одновременно. Я делаю это уже довольно давно и знаю, что это не самый рядовой навык даже для женщины. Я освоила также умение печатать бесшумно, чтобы человек на другом конце провода не отвлекался на звук или, того хуже, не обиделся. Справедливости ради замечу, что, пока я говорю по телефону, отвечаю только на самые простые письма, над которыми не надо особенно думать, а требуется только «да» или «нет». По ощущениям это немного похоже

на раздвоение личности: Сара говорит по телефону, а ее безумное альтер эго печатает. Ну по крайней мере оба моих «я» работают в команде.

Я заместитель директора по кадрам в «Беркли консалтинг». В «Беркли» около пяти тысяч сотрудников и семьдесят офисов, расположенных в сорока странах. Мы предлагаем стратегические решения компаниям по всему миру во всех отраслях экономики – как внедрять инновации, конкурировать, управлять, развиваться, осуществлять реструктуризацию, слияние и рутинную деятельность, создавать и раскручивать торговые марки и, самое главное, как делать деньги. Большинство консультантов, разрабатывающих эти решения, имеют высшее образование и степень в области бизнеса, но среди них также много ученых, юристов, инженеров и врачей. Все они весьма умны, обладают выдающимися аналитическими способностями и превосходно находят творческие решения для сложных проблем.

Кроме того, они в большинстве своем молоды. Консультанты в «Беркли» обычно выезжают туда, где работает клиент. Сами консультанты проекта могут проживать в любой точке мира, но если клиент – фармацевтическая компания из Нью-Джерси, то консультационной команде придется жить там до завершения проекта. Так что двенадцать недель консультант из нашего лондонского офиса, приглашенный в проект из-за своего медицинского образования, будет с понедельника по четверг жить в гостинице в Ньюарке.

Такой стиль жизни подходит молодым и одиноким и, ненадолго, молодым и женатым. Но после нескольких лет и пары детей жизнь на чемоданах быстро приедается. Степень профессионального выгорания очень высока. Бедный парень из Лондона будет скучать по жене и детям. «Беркли» может предлагать ему все большие суммы, чтобы удержать, но в какой-то момент большинство людей приходят к выводу, что деньги не компенсируют напряжения, которое такая работа вызывает в семье. Тех немногих консультантов, кто продержался больше пяти лет, повышают до управляющих. Любой, кто остается в игре больше десяти лет, становится партнером и в результате очень богатым человеком. Почти все они мужчины. Разведенные.

Я пришла в «Беркли», имея за плечами работу в кадровой сфере и гарвардскую степень магистра делового администрирования – идеальное сочетание опыта и образования. Моя работа занимает много времени, семьдесят-восемьдесят часов в неделю, но мне не нужно путешествовать, как выездным консультантам. Я езжу в Европу раз в восемь недель, в Китай – раз в квартал и в Нью-Йорк – на сутки, раза два в месяц, но эти поездки полностью предсказуемы, ограничены по времени и удобны.

Моя ассистентка Джессика стучит в дверь и входит с бумажкой, на которой написано «Кофе?». Я киваю и показываю три пальца, означающие тройной эспрессо, а не три кофе. Джессика понимает мой язык жестов и уходит выполнять заказ.

Я заведую всем подбором персонала, формированием команд для приоритетных проектов, аттестацией сотрудников и развитием карьеры в «Беркли». «Беркли консалтинг» продает идеи, поэтому люди, рождаящие эти идеи, являются нашими самыми ценными инвестициями и активами. Идея, которую предложит любая из наших команд сегодня, завтра легко может оказаться на первой полосе «Нью-Йорк таймс» или «Уолл-стрит джорнэл». Команды «Беркли» ведут дела некоторых самых успешных мировых компаний и даже создают такие компании. А я создаю эти команды.

Мне необходимо знать сильные и слабые стороны каждого консультанта и каждого клиента, чтобы подобрать оптимальный вариант и максимально увеличить вероятность успеха. Командам поручают решать всевозможные задачи (интернет-коммерция, глобализация, управление рисками, повседневная деятельность компании) во всех отраслях экономики (автомобильной промышленности, здравоохранении, энергетике, розничной торговле), но не всякий консультант наилучшим образом подходит для любого проекта. Я жонглирую множеством шариков: дорогих, хрупких, тяжелых, незаменимых шариков. И как раз в тот момент, когда

я думаю, что их у меня в воздухе ровно столько, сколько я могу удержать, кто-нибудь из партнеров подбрасывает мне еще один. Я как клоун из Цирка дю Солей, на чье место стоит очередь: ни за что не признаюсь, что шариков у меня уже слишком много. Я одна из немногих женщин, добравшихся до такого уровня, и ни при каких обстоятельствах не желаю увидеть в глазах партнеров: «Вот и все. Она уперлась в потолок. Мы ее завалили с головой. Узнай, смогут ли Карсон или Джо взять это на себя». Так что меня нагружают все большим и большим количеством обязанностей, и я ловлю каждую с улыбкой, иной раз чуть не убиваясь, чтобы казалось, что мне все легко. Мою работу никак не назовешь простой. Говоря откровенно, она очень и очень трудная. Именно за это я ее и люблю.

Но даже при всех годах опыта и учебы, при всей моей строгой трудовой этике и способности одновременно есть, набирать текст и говорить, сложность моей работы иногда зашкаливает. Бывают дни, когда нет права на ошибку, нет времени пообедать или сходить в туалет, нет лишней минутки, чтобы выжать из себя что-нибудь еще. В такие дни я чувствую себя как воздушный шарик, надутый до предела и готовый лопнуть. А потом Ричард добавит к эвересту моей работы еще одну папку с наклейкой «Займись как можно скорее». Это еще одна изрядная доза воздуха: пуфф! Джессика пришлет мне сообщение о новом совещании, втиснутом в единственный незанятый час дня, – пуфф! Я словно становлюсь прозрачной и неприятно напряженной. Тут позвонит Эбби: у Линуса сыпь и температура, а она не может найти тайленол. Последний пуфф.

Когда я чувствую, что вот-вот лопну, закрываю дверь своего кабинета, сажусь в кресло, разворачиваюсь лицом к окну, выходящему на Бойлстон-стрит – на случай, если кто-нибудь заглянет, – и позволяю себе пять минут поплакать. Не больше. Пять минут молчаливого плача сбрасывают напряжение, и я возвращаюсь к работе. Обычно этого достаточно, чтобы перезагрузиться. Помню, как впервые позволила себе заплакать – это было на третьем месяце работы в компании. Я почувствовала слабость и стыд и, как только вытерла глаза, тут же поклялась себе, что больше никогда не буду так делать. Святая наивность! Напряжение в «Беркли», как и в любой консалтинговой фирме такого масштаба, запредельное и когда-нибудь добирается до каждого. Кто-то пьет мартини в «Лигал Си Фудз» за обедом. Кто-то курит за вращающимися дверями на Хантингтон-авеню. Я пять минут плачу на рабочем месте. Я стараюсь совершать свой слезный грех не больше двух раз в месяц.

Сейчас без десяти четыре. Я договорилась по телефону и пью кофе, принесенный Джессикой. Он мне совершенно необходим. Кофеин разгоняет мою вялую кровь и обливает холодной водой сонный мозг. У меня есть десять ничем не занятых минут. Чем бы их заполнить? Смотрю на календарь:

16:00 – телефонное совещание, проект «Дженерал электрик».

16:15 – урок фортепиано у Люси.

16:30 – Чарли, футбол. ПОСЛЕДНИЙ МАТЧ.

Я всегда записываю занятия детей в календарь, чтобы, подобно авиадиспетчеру, знать, где каждый из них находится в конкретный момент. На самом деле, я и не думала идти на игру Чарли до этой самой минуты. Боб сказал, что вряд ли ему удастся еще раз отпроситься на неделю, Эбби привезет Чарли на стадион, но не сможет остаться и посмотреть матч, потому что ей уже пора будет ехать в другой конец города, чтобы забрать Люси после фортепиано. У Чарли это последний матч в сезоне. Я представляю себе: игра заканчивается и все остальные дети бегут с поля в торжествующие объятия родителей. И прямо вижу огорчение на лице Чарли, когда он поймет, что ни мама, ни папа не пришли его обнять. Этой картины я вынести не могу.

Подпитанная тройной дозой эспрессо и двойной – вины и жалости, в последний раз смотрю на часы, потом хватаю сотовый, папку с проектом «Дженерал электрик», сумку, куртку и выхожу из кабинета.

– Джессика, скажи на четырехчасовом совещании, что я буду разговаривать по сотовому.

Не вижу причин, которые могли бы помешать мне успеть все.

Я участвую в четырехчасовом совещании по сотовому уже около сорока минут, когда наконец подъезжаю к Велмонтскому спорткомплексу. Бейсбольная площадка расположена рядом с парковкой, а футбольное поле дальше. Из машины видно, что дети играют. Я уже долго рассказываю о наших восходящих звездах в экотехнологиях. Пересекаю бейсбольное поле и внезапно осознаю, что не слышу покашливаний, щелчков ручек и прочего шума зала совещаний.

– Алло?

Ответа нет. Я смотрю на телефон: нет сети. Черт! И как долго я говорю сама с собой?

Теперь я на футбольном поле, но не на совещании. А предполагается, что должна быть и тут, и там. Я проверяю телефон: сети по-прежнему нет. Плохо дело.

– О, ты все-таки здесь! – восклицает Боб.

Я думаю ровно о том же, но совсем с другими интонациями.

– Я думала, ты не сможешь приехать.

– Я улизнул. Я встретился с Эбби, когда она привезла Чарли, и сказал, что сам отвезу его домой.

– Нам необязательно быть здесь обоим.

Снова проверяю телефон – ни одной палочки сети.

– Можно позвонить с твоего?

– Здесь мертвая зона. Кому звонишь?

– Мне нужно быть на совещании. Черт, что я здесь делаю?

Он обнимает меня и прижимает к себе:

– Смотришь, как твой сын играет в футбол.

Но должна-то я сейчас подбирать команду для «Дженерал электрик»! Мои плечи начинают подниматься к ушам. Боб узнает этот сигнал растущего напряжения и пробует размять мне плечи и вернуть их на место, но я сопротивляюсь. Я не хочу расслабляться. Это не успокаивает.

– Можешь остаться? – спрашивает Боб.

В моей голове проносятся последствия пропуска второй половины совещания по «Дженерал электрик». Но, по правде говоря, что бы я ни пропустила, я его уже пропустила. Теперь можно и остаться.

– Дай я сначала проверю: вдруг удастся где-нибудь поймать сигнал.

Я бреду по периметру поля, пытаюсь найти точку, где на телефоне появилась бы хоть одна палочка. Но мне не везет. Между тем матч первоклассников ужасно забавный. Это даже нельзя называть футболом. Судя по тому, что я вижу, не соблюдаются никакие позиции. Большинство детей бегают за мячом и постоянно пинает его, как будто мяч – мощный магнит, и дети не могут не притягиваться к нему, куда бы он ни покатился. Сейчас вокруг мяча собралось около десятка детей, они попадают друг другу по голням и ступням и иногда, случайно, по мячу. Затем мяч выпинавают за пределы группы без какой-либо конкретной цели, и все бегут за ним снова.

Нескольких детей невозможно отвлечь. Одна девочка делает «колесо», другая просто сидит на земле и выдергивает траву. Чарли кружится на месте, пока не упадет. Потом, шатаясь, поднимается, падает, снова поднимается и кружится опять.

– Чарли, беги за мячом! – кричит ему Боб с трибуны.

Он кружится.

Другие родители тоже подбадривают своих детей.

– Давай, Джулия, давай!

– Вперед, Кэмерон!

– Бей!

Я пропустила важное совещание ради этого идиотизма. Я пробираюсь обратно к Бобу.

– Повезло?

– Нет.

Пошел снег, и теперь большинство детей и думать забыли о мяче и о том, зачем они здесь – теперь они ловят языком снежинки. Я не могу заставить себя смотреть на часы реже раза в минуту. Эта игра – или как ее лучше назвать? – длится целую вечность.

– Когда это кончится? – спрашиваю я Боба.

– Думаю, они будут бегать минут сорок пять. Ты потом домой?

– Мне нужно узнать, что я пропустила.

– А из дома ты этого не сможешь?

– Меня вообще не должно было здесь быть.

– Увидимся перед сном?

– Если повезет.

Мы с Бобом нечасто успеваем добраться домой вовремя, чтобы поужинать вместе с детьми. Их маленькие желудки начинают урчать часов в пять, и тогда Эбби кормит их макаронами с сыром или наггетсами. Но мы оба стараемся вернуться к половине седьмого – к совместному десерту. Дети едят мороженое или печенье, а мы с Бобом обычно балуем себя сыром, крекерами и вином – наш десерт скорее призван пробуждать аппетит перед ужином, который наступает у нас после того, как дети ложатся спать в половине восьмого.

Рефери, мальчик-старшекласник, наконец свистит, и игра заканчивается. Чарли уходит с поля – он все еще не заметил, что мы здесь. Он такой красавчик, что я едва не пишу от восторга. Его густые и волнистые каштановые волосы всегда кажутся немного длинноватыми – как бы часто их ни подстригали. У Чарли голубые глаза, как у Боба, и самые длинные и черные ресницы, какие я только видела у мальчика. Когда-нибудь девочки будут с ума сходить по этим глазам. Внезапно он стал одновременно и маленьким, и совсем взрослым. Достаточно взрослым, чтобы делать домашние задания, отрастить два постоянных зуба и попасть в футбольную команду. Но и совсем маленьким, потому что у него еще остались молочные зубы и дырки от выпавших, потому что он хочет играть на улице каждый день и больше интересуется кружением на месте и ловлей снежинок, чем победой в игре.

Теперь Чарли нас видит, и его глаза загораются. Его лицо становится поперек себя шире от глуповатой ухмылки Джека – Короля тыкв, и он с разгону врывается прямо нам в ноги. Я успеваю сунуть телефон в карман, так что теперь могу обнять сына обеими руками. Вот за этим я сюда и приехала.

– Отличная игра, дружище! – говорит Боб.

– Мы победили? – спрашивает Чарли.

Они проиграли: десять – три.

– Кажется, нет. Тебе понравилось? – спрашиваю я.

– Ага!

– Как насчет пиццы на ужин? – предлагает Боб.

– Да!

Мы направляемся к парковке.

– Мам, а ты едешь есть пиццу?

– Нет, милый, мне нужно вернуться на работу.

– Ладно, парень, бежим до машины. Готов? На старт! Внимание! Марш! – вопит Боб.

Они несутся через внутреннее поле бейсбольной площадки, взметывая облака пыли и грязи. Боб дает Чарли выиграть, и я слышу, как он театрально возмущается:

– Не может быть! Я тебя почти обогнал! Ты прямо Демон скорости!

Я улыбаюсь. Уже в машине проверяю телефон: три палочки и семь новых голосовых сообщений. Вздыхаю, беру себя в руки и нажимаю кнопку «Плей». Попетляв по парковке, я в результате оказываюсь прямо за Бобом и Чарли. Я бибикаю и машу им, глядя, как они поворачивают налево – к пицце и дому. А я поворачиваю направо и еду в противоположную сторону.

Глава 4

Я иду по Паблик-гарден, мимо конной статуи Вашингтона, мимо лодок-лебедей в пруду, под огромными ивами, мимо Лэка, Мэка и остальных бронзовых утят.

На мне любимые туфли от Кристиана Лубутена, черные лакированные, на десятисантиметровой шпильке, с открытым носом. Обожаю, как они стучат при ходьбе: «Цок... цок... цок... цок... цок... цок... цок... цок».

Я перехожу через улицу к парку Бостон-Коммон. Высокий мужчина в темном костюме движется следом. Я иду по парку мимо бейсбольных площадок и Лягушачьего пруда. Мужчина идет за мной. Я ускоряю шаг: «Цок. Цок. Цок. Цок. Цок. Цок».

Он тоже.

Быстро прохожу мимо бездомного, спящего на парковой скамейке, мимо станции метро «Парк-стрит-Ти», мимо бизнес-воротилы, говорящего по сотовому, мимо наркодилера на углу. Мужчина по-прежнему идет за мной.

Кто он такой? Чего он хочет? Не оглядывайся.

«Цок, цок, цок, цок, цок».

Вперед, мимо ювелирных магазинов и старого здания «Файленз бейсмент». Я петляю и просачиваюсь сквозь толпу покупателей и сворачиваю налево, в переулок. Улица пуста, только мужчина, преследующий меня, теперь еще ближе. Я бегу.

«ЦОК! ЦОК! ЦОК! ЦОК! ЦОК! ЦОК!»

Он тоже. Он гонится за мной.

У меня никак не получается оторваться. На стене впереди я вижу пожарную лестницу. Это выход! Я бегу к лестнице и начинаю карабкаться вверх. Преследователь лезет за мной, его шаги по металлическим ступеням эхом повторяют мои, подгоняя меня.

«ЗВЯК! ТОП! ЗВЯК! ТОП! ЗВЯК! ТОП!»

Я переставляю ноги – вверх, вверх и вверх. Легкие разрываются, ноги горят.

Не оглядывайся. Не смотри вниз. Лезь. Он прямо за тобой.

Я добираюсь до самого верха – плоская крыша пуста. Бегу к дальнему краю, большие некуда. Сердце колотится в груди. У меня нет выбора. Я поворачиваюсь к преследователю.

Никого нет. Я жду. Никто не появляется. Я осторожно возвращаюсь к пожарной лестнице.

«Цок. Цок. Цок. Цок. Цок. Цок».

Лестницы нет. Обхожу крышу по периметру – пожарная лестница исчезла. Я попала в ловушку, я заперта на крыше этого здания.

Нужно перевести дух и подумать. Я сажусь, смотрю, как из аэропорта Логан взлетает самолет, и пытаюсь вообразить какой-нибудь другой путь вниз, кроме прыжка.

Среда

Я бостонский водитель. Ограничения скорости и «кирпичи» считаются в этом городе скорее рекомендацией, чем законом. Я петляю по городским улицам с односторонним неупорядоченным движением, огибая выбоины и наглых пешеходов-нарушителей, нутром чуя очередной объезд из-за ремонтных работ и всякий раз пролетая на желтый с удалью опытного лихача. И все это на протяжении четырех кварталов. Следующий светофор переключается на зеленый, и я тут же давлю на клаксон, однако «хонда» впереди меня с нью-гэмпширскими номерами не двигается. Как и любой уважающий себя бостонский водитель.

Поездка домой в конце дня требует гораздо больше терпения, чем утром, а терпение никогда не входило в число моих добродетелей. И утром, и вечером – пробки, но вечерняя, из города, значительно хуже. Не знаю, почему так получается. Свисток, ворота открываются – и мы все ждем на газ, как миллион муравьев, заполняющих три дорожки из сладких крошек: те,

кто живет на Северном или Южном побережье, – Девяносто третье шоссе, а те, кто обитает к западу от Бостона, – Масс-Пайк. Проектировщики трассы, должно быть, не рассчитывали на такое количество жителей пригородов. А если рассчитывали, то наверняка сами они живут и работают в Вустере.

Я виляю по Масс-Пайку, стирая тормозные колодки. Клянусь, когда-нибудь наконец начну пользоваться подземкой! Я ежедневно подвергаю износу тормоза и собственное душевное здоровье по одной-единственной причине: так мне удастся увидеть собственных детей до того, как они лягут спать. Большинство людей в «Беркли» не уходит раньше семи, а многие заказывают ужин и остаются после восьми. Я стараюсь уезжать в шесть, в самой гуще парада под лозунгами «Домой, домой!» Мой ранний отъезд не проходит незамеченным, особенно молодыми одинокими консультантами, и каждый вечер, выходя из кабинета, я с трудом подавляю порыв напомнить всем этим осуждающим лицам, по сколько часов я работаю вечером из дома. У меня есть свои недостатки, но я не филонщица и никогда ею не буду.

Я ухожу «рано», потому что надеюсь продраться сквозь пробки и успеть домой к половине восьмого: к десерту, ванне, чтению перед сном и укладыванию детей в постель. Но каждая минута, которую я провожу неподвижно в своей «акуре», означает, что я проведу с ними сегодня на минуту меньше. В шесть двадцать уже больше часа как стемнело, и кажется, что время совсем позднее. Начался дождь, и движение еще больше замедляется. Наверное, в этот раз я пропущу десерт, но машины все-таки ползут вперед, и я должна успеть к ванне, книжке и укладыванию.

И вдруг все останавливается. Половина седьмого. Красные тормозные фары светятся по всей непрерывной цепочке до самого горизонта. Наверное, кто-то попал в аварию. Поблизости нет съездов с трассы, так что я даже не могу выскочить из ряда и поехать обходными путями. Я выключаю радио Эн-пи-ар, на котором кто-то на что-то сетует, и прислушиваюсь, ожидая sireны скорой помощи или полиции. Ничего не слышно. Шесть тридцать семь. Никто не двигается. Я опаздываю, я в ловушке, и мое едва сдерживаемое беспокойство внезапно прорывается: «*ЧЕРТ! Что там происходит?*»

Я смотрю на парня в «БМВ» рядом со мной, будто он может знать ответ. Он видит меня, пожимает плечами и мотает головой, досадливо и обреченно. Он говорит по телефону. Может быть, и мне стоит – хоть проведу время с пользой. Я вытаскиваю ноутбук и начинаю читать отчеты проектной команды. Но я слишком раздражена, чтобы сделать что-нибудь толковое. Если бы я хотела поработать, то осталась бы в офисе.

Уже шесть пятьдесят три. Масс-Пайк по-прежнему парализован. Пишу Бобу эсэмэску, чтобы он знал, где я. Семь часов – время ванны. Я тру лицо и дышу на ладони. Хочется заорать, чтобы выплеснуть напряжение из тела, но я опасаюсь, что парень в «БМВ» подумает, будто я сошла с ума, и будет болтать обо мне по телефону. Так что я сдерживаюсь. Я просто хочу домой – щелкнуть каблуками своих туфель от «Коул Хаан» и оказаться дома.

Когда я подъезжаю к дому номер двадцать два по Пилгрим-лейн, уже семь восемнадцать. Четырнадцать миль за семьдесят восемь минут – победитель Бостонского марафона наголову разбил бы меня даже пешком. Именно так я себя и чувствую: разбитой. Я тянусь к козырьку над ветровым стеклом и нажимаю кнопку открывателя гаражной двери. Уже в считанных сантиметрах от въезда я вдруг осознаю, что дверь не открылась, и бью по тормозам. Я преодолела корявые улочки Бостона и забитый машинами Масс-Пайк без единой царапины, а на собственной подъездной дорожке чуть не разбила машину в хлам. Я несколько раз нажимаю дурацкую кнопку, кляня ее на чем свет стоит, и выбираюсь из машины. Пока бегу к парадной двери – по лужам, под холодным дождем, мне на ум приходит поговорка о соломинке, переломившей спину верблюда.

Я молюсь, чтобы успеть домой хотя бы к вечернему чтению и поцелуям перед сном.

Я лежу в кровати с Люси, ожидая, пока она заснет. Если я встану слишком быстро, она станет просить еще одну книжку. Я уже прочитала ей «Тэки-пингвина» и «Самый лучший дождливый день Блу». Я скажу «нет», Люси скажет «ну пожалуйста», растянув «а» на несколько секунд, чтобы показать мне, что она очень-очень вежлива, и ее просьба очень-очень важна, а я опять отвечу «нет», и после этих препирательств ей уже расхочется спать. Проще остаться, пока она не уснет.

Я обнимаю ее маленькое тело, утыкаясь носом в волосы. Она пахнет божественно – смесь шампуня «Джонсонз бэби», клубничной зубной пасты «Том из Мэна» и вафель «Нилла». Наверное, я буду горько оплакивать тот день, когда мои дети перестанут пользоваться шампунем «Джонсонз бэби». Как они тогда будут пахнуть?

Люси такая теплая, ее замедлившееся дыхание завораживает и усыпляет. Я бы с удовольствием уплыла вместе с ней, но мне до сна еще километры и километры. В этом и заключается главная хитрость: уйти после того, как она проиграла борьбу со сном, но до того, как я сама уступлю желанию закрыть глаза. Когда я уверяюсь, что Люси уже совсем спит, то выскальзываю из-под одеяла, на цыпочках обхожу разбросанные по полу игрушки и поделки (настоящее минное поле) и тихонько покидаю темную спальню, словно Джеймс Бонд.

Боб сидит на диване и ест хлопья из миски.

– Извини, детка, я не смог дождаться.

Извинений не требуется – я только рада. Люблю, когда не приходится придумывать, что мы будем есть на ужин, и еще больше люблю, когда мне не нужно ничего готовить. Ну ладно, должна признаться, я не особенно-то и готовлю. Я разогреваю в микроволновке уже готовую еду. А телефон доставки еды на дом забит у нас в быстрый набор. Но хлопья, пожалуй, можно считать моей любимой домашней едой. Нельзя сказать, что я не получаю удовольствия от деликатесных и элегантно сервированных блюд в «Рыбах» или «Мистрале», но ужин с Бобом дома на диване не предполагает какой-то особой атмосферы и изысканной кухни. Он предполагает максимально быстрое избавление от мук голода и переход к другим делам.

Следующие три часа мы проводим в гостиной на разных диванах, с ноутбуками на коленях. Телевизор включен и настроен на канал Си-эн-эн, создавая шумовой фон с отдельными эффектными репликами. Я в основном рассылаю письма в наши китайские и индийские офисы. Бостон живет на двенадцать часов позже Китая и на десять с половиной – Индии, так что у них там сейчас утро завтрашнего дня. Это до сих пор поражает мое воображение: я путешественник во времени, заключающий сделки в реальном времени четверга, а там, где я сижу на диване, еще среда. Невероятно.

Боб перерывает Интернет в поисках вакансий. Он работает в перспективной молодой компании, занимающейся информационными технологиями, и если они сумеют выгодно себя продать или выйти с акциями на открытый рынок, выигрыш может оказаться очень велик, но дела у них, как и у большинства только становящихся на ноги фирм в этой нише, пока идут не слишком хорошо. Кризис по ним больно ударил, и траектории стремительного взлета, который Боб предсказывал, когда пришел в компанию три года назад, теперь кажутся детскими фантазиями. Сейчас они просто стараются не истечь кровью. Боб только что пережил вторую волну сокращений и временной остановки производства, но не планирует сидеть и, затаив дыхание, ждать третьего раунда. Проблема в том, что Боб привередлив, а сейчас не так уж много компаний набирают сотрудников. По его сжатым губам и вертикальной морщинке между нахмуренными бровями я понимаю, что он ничего не нашел.

Неуверенность относительно работы – и нынешней, и будущей – сильно тяготит Боба. Когда он начинает катиться по скользкому склону «что, если» к Думсвиллю – «Что, если я потеряю работу? Что, если не смогу найти новую? Что, если мы не сможем выплачивать ипотеку?» – я стараюсь отмести их все и облегчить его ношу: «Не волнуйся, милый, все у тебя будет в порядке. И с детьми все будет в порядке. И у всех нас все будет в порядке».

Но эти «что, если» переселяются в мою голову, и я превращаюсь в капитана санной команды-чемпиона, несущейся к Думсвиллю на рекордной скорости. Что, если Боба уволят, а он не сможет найти другую работу? Что, если нам придется продать дом в Вермонте? И кстати, что, если не получится его продать в такую депрессию? Что, если мы не сможем отдать студенческие кредиты, завершить выплаты за машину, оплатить счет за отопление? Что, если мы не сможем себе позволить и дальше жить в Велмонте?

Я закрываю глаза и вижу крупные буквы «ДОЛГИ», написанные красными чернилами. В груди у меня все сжимается, как будто в комнате кончился воздух, ноутбук на коленях внезапно становится невыносимо горячим, и я покрываюсь потом. Перестань думать об этом. Воспользуйся собственным методом: «Все у него будет в порядке. И с детьми все будет в порядке. И у всех нас все будет в порядке». Мантра для самообмана.

Я решаю минутку посмотреть телевизор, чтобы отвлечься от Думсвилля. Андерсон Купер рассказывает о матери из Сан-Диего, которая случайно оставила двухлетнего ребенка на заднем сиденье запертой машины на восемь часов и ушла работать. В конце дня, когда мать вернулась, ее малыш уже умер от теплового удара. Чиновники еще не решили, возбуждать ли против нее дело.

Каким местом я думала? Си-эн-эн – столица Думсвилля. Мои глаза наполняются слезами при мысли об этой женщине и ее мертвом ребенке. Я воображаю двухлетнего малютку, не имеющего возможности сбежать из ремней, фиксирующих по пяти точкам, воображаю ужас и лихорадочное отчаяние, а потом постепенный отказ организма. Как этой матери простить себя? Я вспоминаю свою мать.

– Боб, можешь переключить?

Он переключает на местный канал. Один из ведущих читает заголовки сегодняшних новостей, от плохих к худшим: банки просят об антикризисных мерах, головокружительный рост безработицы, фондовая биржа летит в тартарары. Думсвилль, США.

Я встаю и иду на кухню: за шоколадкой и большим бокалом вина.

Мы оба заканчиваем день в одиннадцать. В Бостоне еще не встанет солнце, а консультанты в европейских офисах уже будут пить первый утренний эспрессо, добавляя письма в мой ящик – письма с вопросами, проблемами и отчетами. И примерно в то же время проснется Линус. День сурка, снова и снова.

Раньше я подолгу не могла заснуть, от двадцати минут до часа. Обычно мне приходилось читать что-нибудь вроде романа, не имеющего никакого отношения к моему дню, чтобы отвлечься и успокоить скачущие мысли. А храп Боба сводил меня с ума. Поистине чудо, что он может спать посреди такого рева и свиста. Он утверждает, что защищает нашу пещеру от хищников. Хоть я и оценила его гипотезу о происхождении мужского храпа, но думаю, что мы как вид уже достаточно развились, чтобы необходимость в этом отпала. Как и в накрепко запертой парадной двери, например. Но храп Фреда Флинстоуна не собирается пасовать перед современными технологиями. Много ночей я мечтала придушить Боба подушкой и попытаться счастья со львами, тиграми и медведями.

Но больше этого нет. С тех пор как родилась Люси, я засыпаю через пять минут, после того как моя голова касается подушки. Если я пытаюсь почитать, то даже не дочитываю страницу, с которой начала. Не могу припомнить, когда в последний раз дочитала роман. И если мне случается среди ночи вынырнуть в чуткую дрему и заметить храп Боба, я переворачиваюсь на другой бок и преспокойно возвращаюсь в глубокий сон.

У этого есть и отрицательная сторона – влияние на нашу сексуальную жизнь. Неловко сказать, но я не помню, когда мы последний раз занимались сексом. Я люблю секс с Бобом и по-прежнему хочу мужа, но, похоже, недостаточно люблю и хочу, для того чтобы что-то делать самой, а не засыпать сразу. Я знаю, мы оба заняты и устаем к концу дня, однако я не

слишком занята и устала, чтобы почитать Люси, написать письмо в Китай и разобрать кучу счетов. Однако каждый вечер я перед сексом ставлю точку. И то же делает Боб.

Помнится, когда-то мы занимались сексом рано вечером, пока еще оба не устали, иногда даже перед тем, как куда-нибудь поехать (тогда мы еще куда-то ездили). Теперь, если нам и удастся втиснуть секс в график, он всегда происходит прямо перед сном, всегда в кровати – стандартное действие перед сном, что-то вроде чистки зубов, хотя не столь регулярное.

Когда я еще не вышла замуж, то, помню, прочитала в «Вог», или «Космополитен», или каком-то другом журнале – из тех, что я читаю только у парикмахера, – что, по статистике, супружеские пары с высшим образованием занимаются сексом меньше всех прочих супружеских пар. Всего лишь десять-двенадцать раз в год, то есть раз в месяц. «У меня так *никогда* не будет», – подумала я. Конечно, тогда, в двадцать с чем-то, я была одинока, бездетна, гораздо менее образованна, чем сейчас, и занималась сексом два-три раза в неделю. Обычно, читая про такие опросы, я думала, что они занимательны, но полностью выдуманы. Теперь я верю каждому их глянцево-му слову.

Надеюсь, у Боба нет сомнений, привлекает ли он меня до сих пор. Как ни парадоксально, даже наоборот: теперь меня влечет к нему еще больше, чем когда мы встречались и постоянно занимались сексом. Когда я смотрю, как он кормит Линуса из бутылочки, целует Люсино «бобо», снова и снова учит Чарли завязывать шнурки – в те моменты, когда вижу его таким простым, теплым и полным любви, меня переполняют восхищение и нежность.

Мне жаль вечеров, когда я так уставала, что засыпала прежде, чем успевала сказать, что люблю его. И я беспричинно злюсь на него, когда он засыпает, не сказав этого мне. Если нам не хватает мотивации, чтобы ужинать по-взрослому, если мы слишком заняты почтой и поиском работы, чтобы, обнявшись на диване, посмотреть кино, и у нас нет сил для трехминутного секса, мы можем хотя бы говорить друг другу о любви, прежде чем заснуть.

Я лежу в кровати одна и жду Боба. Я хочу сказать, что люблю его, что, даже если он завтра потеряет работу, я все равно буду его любить. Объяснить, что, куда бы нас ни завели «что, если», все будет в порядке, ведь мы любим друг друга. Но Боб слишком долго возится в ванной, и я засыпаю, так и не успев ничего ему сказать и почему-то беспокоясь, что сам он этого не поймет.

Глава 5

По пути в прачечную я замечаю дверь, которой никогда раньше не видела, – за тренажерами. Я останавливаюсь и разглядываю ее. Как такое может быть?

– Боб, откуда взялась эта дверь? – кричу я.

Он не отвечает.

Я беру за дверную ручку, которой, клянусь, до сих пор не было, и останавливаюсь. Голос моей матери произносит: «Сара, занимайся своими делами».

Я поворачиваю ручку вправо.

Зловещий голос из хичкоковского фильма говорит: «Не делай этого».

Мне нужно знать.

Я толкаю дверь и оказываюсь на пороге комнаты, где раньше никогда не бывала; в дальнем углу из большой нержавеющей кастрюли для варки омаров пьет лев. Комната больше нашей кухни, но это единственная подробность, которую я успеваю заметить, потому что все мое внимание занято львом – его мускулистыми задними ногами, подвижным хвостом, непереносимой вонюю. Я прикрываю нос и рот рубашкой, чтобы не стошнило.

Шевелиться было не самой лучшей идеей. Лев оглядывается через плечо, видит меня, разворачивается ко мне и рычит. Его смрадное дыхание на моем лице горячо и влажно. Я не решаюсь вытереться. Из пасти льва стекает слюна, собираясь на полу в лужу приличных размеров. Наши глаза прикованы друг к другу. Я стараюсь не моргать – и не дышать.

Входит Боб, он несет пакет размером с Линуса, завернутый в белую оберточную бумагу. Боб проходит мимо меня, снимает со свертка скотч и шмякает на пол кусок сырого красного мяса. Лев забывает обо мне и набрасывается на мясо.

– Боб, что происходит?

– Я кормлю льва ужином.

– Откуда он взялся?

– В смысле? Лев наш. Достался нам вместе с домом.

Я неуверенно хихикаю, предположив, что это соль типичной для Боба странной шуточки, но умолкаю, поскольку муж не смеется вместе со мной.

Теперь, когда лев с увлечением пожирал что-то другое, не меня, я оглядываю комнату. Стены обшиты филенкой, бетонный пол покрыт сосновой стружкой, а потолок с выступающими балками поднимается на высоту двух этажей. На стене в рамочке висит наша с Бобом фотография. Напротив льва замечаю другую дверь в стене. Эта дверь маленькая, в половину высоты нормальной двери.

Мне нужно знать.

Я на цыпочках прокрадываюсь мимо льва, открываю дверь и вползаю внутрь. Дверь захлопывается за мной, и я оказываюсь в полной темноте. Я ничего не вижу, но полагаю, что через некоторое время мои глаза приспособятся, как в кино. Я сажусь у двери, скрестив ноги, моргаю и с любопытством жду, что будет.

Я не боюсь.

Четверг

В назначенное время мы с Бобом стоим в пустой классной комнате Чарли, сунув руки в карманы куртки, и ждем мисс Гэвин. Каждая косточка моего тела мечтает сбежать отсюда подальше. Как бы долго ни продлилась встреча, скорее всего я опоздаю на работу и уже продвигу, как буду гнаться за графиком остаток дня, но так и не нагоню. Я чувствую себя так, будто заболела банальной простудой и забыла принять дейкил, прежде чем мы выскочили за дверь. И больше всего я не хочу слышать то, что собирается сообщить мисс Гэвин.

Я не доверяю этой мисс Гэвин. Кто она такая, в конце концов? Может, она ужасная учительница? С родительского собрания я помню, что она молода, ей нет и тридцати. Неопытна. Возможно, она обескуражена работой и запланировала такую встречу с родителями каждого ребенка в своем классе. Может, она точит зуб на детей, которые не слушаются ее или спорят с ней. Бог свидетель, Чарли любит поспорить. Может быть, она не любит мальчиков. Миссис Найт вызывала только девочек, только на их работах рисовала улыбающиеся рожицы и всякий раз выгоняла какого-нибудь мальчика в коридор или отправляла к директору. А девочек – никогда.

Может быть, вся проблема в мисс Гэвин.

Я оглядываю класс, ища подтверждений моим вполне резонным подозрениям. Вместо отдельных парт с прикрепленными к ним стульями, которые я помню по своей начальной школе, стоят четыре низких круглых стола, похожие на маленькие обеденные столики, вокруг каждого – по пять стульев. Я бы сказала, это прекрасно подходит для общения, но не для учебы. Но мой замечательный длинный список того, что глупая и некомпетентная мисс Гэвин делает не так, заканчивается на этом единственном сомнительном пункте.

По стенам развешаны художественные проекты. В передней части класса распечатанные фотографии детей приклеены на две гигантские доски для объявлений, озаглавленные «Звезды правописания» и «Олимпийские чемпионы по математике». Фотографии Чарли нет ни на одной. Пять ярких мягких кресел, подходящих по размеру для ребенка, стоят в углу под табличкой «Книжная норка» рядом со стеллажом, набитым книгами. В задней части класса два стола: на одном хомячок в клетке, а на другом – аквариум с рыбкой.

Класс выглядит хорошо продуманным, жизнерадостным и увлекательным. Похоже, мисс Гэвин любит свою работу. И делает ее неплохо. Я совсем не хочу здесь находиться.

Я уже собираюсь спросить Боба, не хочет ли он сбежать, когда появляется учительница. – Спасибо, что пришли. Садитесь, пожалуйста.

Мы с Бобом усаживаемся в детские кресла, оказываясь всего в паре десятков сантиметров над полом. Мисс Гэвин садится высоко – за свой стол, на взрослый стул. Мы коротышки, а она Великая и Ужасная мисс Гудвин из Страны Оз.

– Итак, табель Чарли, видимо, обеспокоил вас обоих. Начну с вопроса: вас удивили его отметки?

– Шокировали, – отвечает Боб.

– Ну, они примерно такие же, как и в прошлом году, – уточняю я.

Погодите-ка, на чьей я стороне?

– Да, но прошлый год был как бы подготовительным, – возражает Боб.

Мисс Гэвин кивает, но не потому, что согласна с ним.

– Вы не замечали, есть ли у Чарли сложности с выполнением домашних заданий? – спрашивает мисс Гэвин.

Эбби днем начинает делать с ним уроки, а мы с Бобом продолжаем, зачастую и после того, когда ему пора спать. Предполагается, что домашние задания занимают двадцать-тридцать минут. Чарли трудится, мучается, застрекает, отвлекается, ноет, плачет и ненавидит уроки. Ненавидит больше, чем брокколи. Мы угрожаем, подкупаем, умоляем, объясняем и иногда просто делаем задание за него. Ну да, я назвала бы это «сложностями».

В защиту могу сказать, что я в его возрасте, помнится, не делала домашние задания. Сомневаюсь, что дети, за исключением некоторых не по годам развитых девочек, готовы к обязательным домашним заданиям в возрасте семи лет. Я считаю, школы слишком сильно нагружают маленьких детей. Однако речь идет о страничке упражнений на «больше – меньше» или правописании слов типа «мама – рама». Не ядерная физика.

– Есть, – говорю я.

– И огромные, – добавляет Боб.

– Как вы это видите? – решаюсь я на вопрос.

– Ему трудно. В классе он не может выполнить ни одного задания вовремя, перебивает меня и других детей и постоянно витает в облаках. Я вижу, как он смотрит в окно, по меньшей мере шесть раз до обеда, каждый день.

– Где его место? – спрашиваю я.

– Вон там.

Она указывает на стул, стоящий ближе всех к ее столу, но и прямо под окном. Ну и кто бы не заглядывался и не уплывал в свои мысли, если за окном такой вид? А может быть, Чарли сидит рядом с кем-то, кто его отвлекает? Хулиган. Красивая девочка. Возможно, я зря так заужала мисс Гэвин?

– А вы можете попробовать пересадить его в другую часть класса? – спрашиваю я, уверенная, что решила проблему.

– Там он сидел в начале года. Если я хочу хоть как-то удерживать его внимание, мне нужно, чтобы он находился прямо передо мной.

Она ждет: вдруг у меня появятся еще какие-нибудь блестящие идеи. Их нет.

– У него проблемы с выполнением инструкций, в которых больше двух шагов. Например, если я велю классу пойти к шкафчикам, взять папки с математикой, взять со стола с инструментами линейку и принести все это на рабочий стол, Чарли пойдет к своим вещам и принесет еду или не принесет ничего, а начнет просто бродить по классу. Вы видите подобное поведение дома?

– Нет, – отвечает Боб.

– Что? Это же Чарли, как он есть.

Боб смотрит на меня, как будто совершенно не представляет, о чем я говорю. А *он-то* замечает что-нибудь вокруг себя? Интересно, какой бы табель принес он?

«Чарли, иди оденься и надень ботинки. Чарли, надень пижаму, сложи одежду в грязное белье и почисти зубы». С таким же успехом можно говорить по-гречески.

– Да, но он просто не хочет все это делать. Это не значит, что не может. Все дети стараются не делать то, что им велели, – говорит Боб.

Я чихаю и извиняюсь. Заложенный нос меня просто убивает.

– Кроме того, он не очень хорошо проявляет себя в занятиях, требующих очередности. Другие дети стараются не играть с ним, потому что он не следует правилам игры. Он импульсивен и безрассуден.

Мое сердце окончательно разбито.

– Он что, один так себя ведет? – спрашивает Боб, уверенный в обратном.

– Да.

Боб оглядывает восемнадцать пустых маленьких стульчиков и шумно выдыхает в сложенные ладони.

– Итак, к чему вы ведете? – уточняю я.

– К тому, что Чарли не способен сосредоточиться на всех составляющих школьного дня.

– Что это значит? – спрашивает Боб.

– Это значит, что Чарли не способен сосредоточиться на всех составляющих школьного дня.

– Из-за чего? – дожимает Боб.

– Не могу сказать.

Мисс Гэвин смотрит на нас и молчит. Я понимаю, в чем дело. Я представляю меморандум о политике школы, подписанный и печатанный школьными юристами. Никто не говорит того, о чем мы все, полагаю, думаем: мисс Гэвин – по юридическим соображениям, мы с Бобом – потому что речь идет о нашем маленьком Чарли. Моя мать прекрасно бы справилась с этим

разговором. Ее следующие слова были бы о нынешней прекрасной погоде или симпатичной розовой блузке мисс Гэвин. Но я не могу вынести невысказанное напряжение.

– Вы полагаете, у него СДВГ¹ или что-то в этом роде?

– Я не врач. Я не могу этого сказать.

– Но вы так думаете.

– Я не могу этого сказать.

– Тогда что же вы вообще говорите? – взрывается Боб.

Я кладу ладонь на его руку: это ни к чему не приведет. Боб стискивает зубы и, кажется, хочет немедленно уйти. Я готова схватить учительницу и трясти с криком: «Это мой мальчик! Скажи мне, что с ним, по-твоему, не так?», но вовремя всплывает опыт, приобретенный в школе бизнеса, и спасает всех нас: переформулируем проблему.

– Что мы можем сделать? – спрашиваю я.

– Видите ли, Чарли прекрасный мальчик и на самом деле очень умен. Но он сильно отстает, и разрыв между ним и другими детьми будет все увеличиваться, если мы ничего не сделаем. Однако в таких ситуациях ничто не делается достаточно быстро, если только родители не попросят об аттестации. Вам нужно подать прошение в письменном виде.

– Прощение о чем именно? – спрашивает Боб.

Я слушаю вполуха, пока мисс Гэвин описывает размеченный красными ленточками маршрут восхождения к индивидуальной учебной программе и особому коррекционному образованию. Помню, как после рождения Чарли я осматривала его, проверяя, все ли пальчики на месте, разглядывая его нежные розовые губки и изгибы его ушных раковин. «Он идеален», – подумала я, восхищенная и благодарная за такое совершенство. И вдруг у моего идеального мальчика может обнаружиться синдром дефицита внимания. В моем сознании отказываются совмещаться две эти мысли.

Его будут дразнить дети. Учителя поставят на нем клеймо. Как назвала Чарли мисс Гэвин? Безрассудный. Дети будут бросаться словами острее, обиднее и страшнее этого, и мишенью станет его голова.

– Я хочу, чтобы он встретился с педиатром, прежде чем мы начнем что-то делать в этом направлении, – заявляет Боб.

– По-моему, это отличная идея, – отвечает мисс Гэвин.

Врачи прописывают детям с СДВГ риталин. Это какой-то амфетамин, кажется. Мы собираемся накачивать наркотиками нашего семилетнего сына, чтобы он не отставал в учебе. Кровь отливает, будто мое кровообращение не собирается поддерживать эту идею: голова и пальцы немеют. Мисс Гэвин продолжает говорить, но ее голос звучит приглушенно и отдаленно. Я не хочу знать эту проблему и не хочу ее решать.

Я хочу возненавидеть мисс Гэвин за то, что она нам тут рассказала. Но смотрю в ее искренние глаза и не могу. Я понимаю, что это не ее вина. И я не могу ненавидеть Чарли. Он тоже не виноват. Но в груди все растет ненависть, ей нужен выход, иначе я начну ненавидеть и обвинять себя. Я оглядываю класс: невинные личики детей на доске «Звезды правописания», нарисованные сердечки, полумесяцы и радуги, хомячок, бегающий в колесе. Ненависть остается запертой в груди, круша легкие. Мне нужно убраться отсюда.

Боб благодарит мисс Гэвин за информацию и обещает, что мы окажем Чарли всю необходимую помощь. Я встаю и пожимаю ей руку. Кажется, я даже улыбаюсь, как будто наш разговор доставил мне удовольствие. Какая чушь! И тут я останавливаю взгляд на ее ногах.

В коридоре, после того как мисс Гэвин закрыла дверь в свой класс, Боб обнимает меня и спрашивает, все ли со мной в порядке.

¹ СДВГ – синдром дефицита внимания и гиперактивности. Расстройство работы нервной системы, которое проявляется характерным поведением ребенка и требует коррекции.

– Я ненавижу эти ее туфли!

Озадаченный ответом, Боб решает пока больше не задавать вопросов, и мы молча идем в спортзал.

«До уроков» вот-вот закончится, и дети строятся, чтобы идти в класс. Сказав «привет» и «пока» Люси, мы с Бобом находим в строю Чарли.

– Эй, парень, дай-ка пять! – говорит Боб.

Чарли хлопает по его ладони.

– Пока, солнышко, увидимся вечером. Делай сегодня то, что скажет мисс Гэвин, хорошо? – прошу я.

– Ладно, мам.

– Люблю тебя. – Я крепко его обнимаю.

Дети впереди Чарли начинают идти, один за другим, колонна выползает из зала, как большая гусеница. Цепочка рвется на Чарли, который не двигается с места.

– Ладно, дружище, иди уже! – говорит Боб.

Не отставай, мой идеальный мальчик.

Глава 6

Мама Рики, миссис Салливан, говорит нам, что бассейн еще не готов. Мистеру Салливану еще нужно его прочистить и помыть. В мутной воде плавают бурые старые листья, бассейн больше похож на лужу, но нам все равно. Сегодня первый день летних каникул, и мы не можем ждать мистера Салливана.

Я нахожусь оранжевый надувной наплечник и натягиваю на левую руку до хилого бицепса. Роюсь в ящике с поплавками и надувными игрушками, но не могу найти второй. Поднимаю глаза – Нейт нацепил его, как налокотник.

– Отдай, – говорю я и сдергиваю наплечник с его руки.

Обычно брат впадает в бешенство, когда не получает чего хочет, так что я удивлена, что он не препятствует мне. Вдруг он наконец-то зауважал старшую сестру, как и положено? Я надеваю оранжевый наплечник на вторую руку, а Нейт находит маску и доску для плавания.

Я окунаю большой палец ноги в воду и отскакиваю:

– Да она ледяная!

– Малявка, – заявляет Рики, пробегая мимо меня и обрушиваясь в воду, словно пушечное ядро.

Здорово быть такой же, как он, но вода слишком холодная.

Я поднимаюсь на террасу и сажусь на пластиковый речный стул рядом с мамой. Они с миссис Салливан лежат на подушках в шезлонгах, повернутых к солнцу. Пьют из банок «Тэб», курят «Мальборо лайт» и болтают с закрытыми глазами. Ногти на маминых ногах покрашены лаком «Красный перчик». Я очень хочу быть как она.

Я стаскиваю наплечники и тоже разворачиваю свой стул к солнцу. Миссис Салливан жалуется на своего засранца-мужа, и мне неловко слышать «засранец», ведь я знаю, что это плохое слово и меня бы за него отхлестали по щекам. Я изо всех сил стараюсь сидеть тихо и не ерзать, потому что думаю, будто мама не замечает, что я слушаю. Мне неловко, но ужасно хочется услышать еще какие-нибудь неприличные слова про мистера Салливана.

Рики появляется на террасе, стуча зубами.

– Я превращаюсь в ледышку.

– Я тебе говорила, – говорю я, по-глупому выдавая себя.

– Полотенца в ванной. Пойди поиграй на «Атари», – говорит миссис Салливан. – Хочешь тоже пойти в дом, Сара?

Я качаю головой.

– Она хочет остаться с девочками. Верно, милая? – спрашивает мама.

Я киваю, она протягивает руку и хлопывает меня по ноге. Я улыбаюсь и чувствую себя особенной.

Рики идет в дом, мама и миссис Салливан разговаривают, а я закрываю глаза и слушаю. Но миссис Салливан больше не говорит ничего плохого о муже, и мне становится скучно. Я раздумываю, не пойти ли в дом поиграть в «Пэкмена», но Рики наверняка занял приставку и режется в «Космических захватчиков», а мне хочется быть девочкой среди девочек, так что я остаюсь.

И вдруг, совершенно неожиданно, мама кричит. Я открываю глаза, а она визжит: «Нейт!» – и бежит. Я встаю, чтобы увидеть, что происходит. Нейт плавает в бассейне лицом вниз. Сначала я думаю, что это розыгрыш, и восхищаюсь, как ловко он нас провел. Затем мама оказывается в бассейне рядом с ним, и я думаю, что подло с его стороны так ее пугать. Но тут мама переворачивает его, и я вижу закрытые глаза и синие губы, сердце мое уходит в пятки, и я пугаюсь по-настоящему.

Мама несет Нейта на траву, дико и странно кричит (я никогда не слышала, чтобы взрослые так делали), вдвухает воздух Нейту в рот и умоляет его очнуться, но Нейт не двигается. Я больше не могу смотреть на брата, лежащего на траве, и маму, вдвухающую в него воздух, поэтому опускаю глаза и вижу оранжевые надувные наплечники на полу террасы рядом со стулом.

– Очнись, Нейт! – рыдает мама.

Я не могу на это смотреть. Я плююсь на собственные эгоистичные, жадные ноги и яркие оранжевые наплечники возле стула.

– Очнись, Нейт!

– Очнись!

– Сара, очнись.

Пятница

Мои пальцы – ножницы. Ладонь Боба – бумага.

– Я выиграла! – кричу я.

Я никогда не выигрываю в эту игру. Я режу пальцами воздух и отплясываю нелепую джигу, помесь танца Джонатана Пейпелбона и Элейн Бенис. Боб хохочет. Но восторг от моей неожиданной победы длится недолго: он меркнет при виде Чарли, стоящего на кухне без рюкзака.

– «Уи» не сохранила мой уровень.

– Чарли, что я тебе велела сделать? – спрашиваю я.

Он тупо смотрит на меня. Мои голосовые связки натягиваются ту же.

– Я велела тебе принести сюда твой рюкзак двадцать минут назад.

– Мне надо было дойти до следующего уровня.

Я стискиваю зубы. Я знаю, что если открою рот, то сорвусь. Или я заору и напугаю его, или зареву и напугаю Боба, или устрою всем разнос и выброшу проклятую «Уи» в помойку. До вчерашнего дня неспособность Чарли выслушать или выполнить простейшую инструкцию раздражала меня, но обычным образом – подозреваю, многие дети так раздражают родителей. Теперь же во мне поднимается цунами страха и отчаяния, и мне приходится сдерживаться изо всех сил, чтобы не дать этой волне вырваться наружу и утопить нас всех. Я вижу, как за эти несколько секунд моей молчаливой внутренней борьбы глаза Чарли становятся большими и стеклянными. Страх и отчаяние, должно быть, лезут у меня изо всех пор. Боб кладет руки мне на плечи.

– Я разберусь с этим. Поезжай, – говорит Боб.

Я смотрю на часы. Если я выеду сейчас, то, пожалуй, доберусь до работы рано, причем спокойной, в здравом уме и даже смогу сделать несколько звонков по пути. Открываю рот и выдыхаю.

– Спасибо, – говорю я и сжимаю мужнину руку-бумагу.

Я беру сумку, целую Боба и детей и выхожу из дома. Снаружи сыро и льет как из ведра. Без плаща и зонтика я изо всех сил бегу к машине, но, прежде чем плюхнуться на водительское сиденье, замечаю на земле цент. Я не могу устоять: останавливаюсь, подбираю его, а потом забираюсь в машину. Замерзшая и промокшая, я улыбаюсь, заводя мотор. Сегодня я выиграла и нашла цент.

Наверняка сегодня мой счастливый день.

Дождь стеной, заливают запотевшее ветровое стекло чуть ли не быстрее, чем дворники успевают его вытирать. Включилась подсветка приборной доски, их сенсоры, обманутые темнотой утра, решили, что сейчас ночь. По моим ощущениям тоже еще ночь. Это такое ненастное утро, когда лучше всего залезть обратно в постель.

Но я не собираюсь позволить пасмурной погоде подмочить мое прекрасное настроение. Мне не нужно развозить детей, у меня куча времени, а движение на дороге не прекращается даже в такую погоду. Я приеду на работу рано, собранная и готовая приступить к новому дню, а не поздно, вымотанная, залитая виноградным соком и неспособная выбросить из головы дурацкую песню «Вигглз».

А по пути мне нужно сделать кое-что по работе. Я роюсь в сумке в поисках телефона: хочу позвонить в Гарвардскую школу бизнеса. Ноябрь – главный месяц набора сотрудников, и мы стараемся обойти другие ведущие консалтинговые фирмы, такие как «Маккинси» и «Бостон консалтинг групп», и отобрать лучших и умнейших из урожая этого года. Мы никогда не заманиваем столько выпускников, как «Маккинси», но обычно обгоняем «БКГ». После первого раунда и ста пятидесяти интервью остались десять особенно впечатляющих кандидатов, которых мы планируем охмурить.

Нахожу телефон и начинаю искать в адресной книге номер Гарварда. Под буквой «Г» его нет. Странно. Может, он на «Б» – «бизнес-школа»? Я бросаю взгляд на дорогу, и сердце замирает: повсюду горят красные тормозные фары, плохо различимые сквозь мокрое и запотевшее ветровое стекло, – и неподвижные, как акварель. Все шоссе замерло, кроме меня: я лечу со скоростью семьдесят миль в час.

Я ударяю по тормозам. Они ловят дорогу и тут же теряют. Я скольжу, словно гидроплан. Я изо всех сил жму на тормоза – и скольжу. Я все ближе и ближе к красным огонькам на картинке.

«О господи!»

Я резко выворачиваю руль влево, слишком резко. Теперь я за последней полосой Восточного шоссе, кручусь между востоком и западом. Наверняка машина по-прежнему движется очень быстро, но я воспринимаю вращение будто в замедленной съемке. И еще кто-то отключил звуки: дождь, дворники, стук моего сердца. Все происходит неспешно и беззвучно, словно под водой.

Я бью по тормозам и выворачиваю руль в другую сторону, надеясь или прервать вращение, или остановиться. Ландшафт наклоняется под невообразимым углом, и машина начинает кувырки через капот. Перевороты так же неторопливы и беззвучны, а мои мысли, пока меня крутит, отчетливы и странно спокойны.

Выскакивает подушка безопасности. Я замечаю, что она белая.

Я вижу, как разлетевшееся содержимое моей сумки и найденный цент зависают в воздухе. На ум приходят астронавты на Луне.

Что-то сдавливает мне горло.

Моя машина разобьется в хлам.

Что-то ударяет меня по голове.

Я опоздаю на работу.

И вдруг кувыркание прекращается, и машина замирает.

Хочу выбраться, но не могу пошевелиться. И внезапно ощущаю сокрушительную, невыносимую боль в макушке. До меня впервые доходит, что я, похоже, повредила не только машину.

«Мне так жаль, Боб».

Темное утро делается еще темнее и начинает таять. Я уже не чувствую боли в голове. И зрение, и прочие чувства отключились. Может, я умерла?

«Пожалуйста, пусть я не умру!»

Я решаю, что не умерла, поскольку слышу звук дождя, барабанищего по крыше машины. Я жива, потому что слушаю дождь, и дождь становится рукой Бога: он постукивает пальцами по крыше и размышляет, что дальше.

Я слушаю изо всех сил.

Слушаю еще.

Слушаю.
Но звуки исчезают, и дождя больше нет.

Глава 7

Расплывчатая сияющая белизна надо мной фокусируется и превращается в люминесцентную лампу на потолке. Кто-то что-то говорит, повторяя снова и снова. Я изучаю яркость и форму свечения, но в конце концов понимаю, что кто-то что-то говорит мне.

– Сара, можете сделать глубокий вдох?

Я полагаю, что могу, но когда пытаюсь, горло сжимается вокруг чего-то твердого, и я давлюсь. Я уверена, что перестала вдыхать, но мои легкие все равно полны воздуха. Горло совсем пересохло. Хочется облизать губы и сглотнуть слюну, но что-то во рту не дает мне это сделать. Я хочу спросить, что происходит, но не могу заставить слушаться ни дыхание, ни губы, ни язык. Паникую.

– Не пытайтесь говорить. У вас во рту трубка, чтобы помогать вам дышать.

Люминесцентная лампа на потолке над моей головой, трубка во рту, помогающая мне дышать, и женский голос, который спрашивает:

– Вы можете сжать мою руку?

Я сжимаю, но чужой руки в своей не чувствую.

– Можете сжать другую руку?

Я не понимаю вопроса.

– Можете показать мне два пальца?

Я вытягиваю указательный и средний пальцы.

Ножницы.

Я выиграла. Игра, дождь. Машина. Авария. Я помню. Я слышу электронное попискивание и жужжание каких-то механизмов. Люминесцентный свет, трубка, женский голос. Я в больнице. О господи, что со мной случилось? Я пытаюсь вспомнить, что было после аварии, но макушку пронзает жгучая боль, и ничего не получается.

– Хорошо, Сара. Ладно, на сегодня достаточно. Мы собираемся снова усыпить вас, чтобы вы отдохнули.

Погодите! Игра, машина, дождь, авария – а что потом? Что случилось? Со мной все в порядке?

Люминесцентный свет на потолке становится ярче, его края размываются. Все расплывается в сияющей белизне.

– Хорошо, Сара, выдохните как можно сильнее.

Я выдыхаю, а медсестра вытаскивает из меня трубку. И это ощущается так, будто оклеенное наждаком круглое медицинское зеркало волокут вверх по нежной слизистой моего горла. В подходе медсестры к процедуре нет ни капли деликатности или нерешительности. Извлечение безжалостно, а облегчение, которое я испытываю после, граничит с эйфорией – немного похоже на роды. Я уже совсем готова возненавидеть эту женщину, как вдруг сестра подносит к моим губам картонный одноразовый стаканчик с тающими кусочками льда и тут же становится моим ангелом милосердия.

Через минуту медсестра оборачивает мою ладонь вокруг стаканчика.

– Хорошо, Сара, продолжайте пить мелкими глотками. Я сейчас вернусь, – говорит она и оставляет меня одну.

Я глотаю холодную воду. Мои потрескавшиеся и запекшиеся губы, рот и горло – благодарные губки, так земля впитывает дождь после долгой засухи. Из меня только что извлекли трубку. Мне была нужна трубка для дыхания. Это не очень-то хорошо. Но теперь трубка не нужна. Зачем мне понадобилась дыхательная трубка? Как давно я здесь? Где Боб?

Моя голова чувствует себя странно, но сначала я не могу распознать ощущение. Потом оно проясняется во всех красках, на полной громкости: моя голова обжигающе горячая. Я выпускаю из руки стаканчик и трогаю голову. Мысленный образ, возникший из ощущений пальцев, меня поразил и напугал. Изрядный участок головы, размером с кусок хлеба, выбрит, и в центре этого голого пространства пальцы нащупывают дюжину металлических скоб. Где-то под скрепками мой мозг раскалился до температуры магмы.

Я хватаю стаканчик и вываливаю мокрый лед на свою прошитую скобками голову. Признаться, я ожидаю, что вода зашипит, но все тихо. Лед не уменьшает жгучую боль, я только зря потратила все свое питье.

Я жду, вдыхаю и выдыхаю без помощи трубки. Не паникуй. Медсестра не оставила бы тебя одну без дыхательной трубки и с картонным стаканчиком льда, если бы твой мозг действительно плавился. Но может быть, он все же плавится. Проверим-ка, работает ли он.

Кто ты такая? «Я Сара Никерсон». Хорошо, ты знаешь свое имя. «Моего мужа зовут Боб. У меня трое детей: Чарли, Люси и Линус. Я заместитель директора по кадрам в „Беркли“. Мы живем в Велмонте. Мне тридцать семь лет». Молодец. Сара, ты в порядке. Я касаюсь скобок и ощупываю лысый участок по периметру. «Если человек в порядке, ему не бреют голову и не втыкают в нее всякие железки».

Где Боб? Кто-то должен сообщить Бобу, где я и что случилось. Как давно я здесь? И что случилось?

Только во время родов и после них мне требовалась какая-то медицинская помощь, кроме мотрина и пары лейкопластырей. Я смотрю на люминесцентный свет, и мне он совсем не нравится. Где медсестра? Пожалуйста, вернитесь. Разве где-то здесь не должна быть кнопка, чтобы я могла позвать сестру? Я ищу кнопку, телефон, микрофон – что-нибудь, куда можно крикнуть. Вижу люминесцентную лампу на потолке и уродливую бежевую занавеску. Больше ничего: ни окна, ни телевизора, ни телефона – ничего. Эта палата – просто позор.

Я жду. Моя голова уже совсем раскалилась. Я пытаюсь позвать медсестру, но моему оборванному горлу удается издать только слабый хриплый шепот:

– Эй...

Я жду.

– Боб...

Я жду. Я жду целую вечность, представляя, как плавится и тает мой мозг и все, что я люблю.

Снова люминесцентный свет. Должно быть, я потеряла сознание. Свет и низкий постоянный электронный гул и попискивание аппаратуры, которая следит за моим состоянием. Следит и поддерживает мою жизнь? Господи боже, надеюсь, нет. Мой мир – это совещания и дедлайны, имейлы и аэропорты, Боб и дети. Как мой мир сжался до этого? Сколько я уже лежу под этим мерзким фонарем?

Я передвигаю руку под простыней вниз, к ноге. О нет! Я нащупываю по меньшей мере недельную щетину. Волосы у меня на ногах светлые, почти белые, но их множество, и обычно я брею ноги каждый день. Я провожу ладонью вверх-вниз – как будто глажу козу в зоопарке.

Боже, мой подбородок! На левой стороне подбородка у меня растет пучок из пяти волосков. Они грубые и жесткие, как свиная щетина, и последние несколько лет остаются моей страшной тайной и заклятыми врагами. Волоски вылезают каждые несколько дней, так что приходится не терять бдительности. Я держу свое оружие – щипчики «Ревлон» и зеркало с десятикратным увеличением – дома, в своей сумке шерпа, а также в ящике рабочего стола, так что теоретически можно ехать куда угодно, и если хоть что-то из этой подлой поросли пробьется на поверхность, я всегда смогу его выдернуть. Бывало так, что на совещаниях генеральных директоров, могущественнейших людей в мире, мне едва удавалось удерживать внимание

на речах, поскольку, нечаянно коснувшись подбородка, я заикливалась на идее уничтожить пять микроскопических волосков. Я ненавижу эти волосы и боюсь, что кто-нибудь заметит их раньше меня, но должна признаться: почти ничто не приносит мне такого удовлетворения, как их выдергивание.

Я трогаю подбородок, ожидая нащупать свою порослячью бороденку, но касаюсь только гладкой кожи. Мои ноги все в шерсти, как какая-нибудь деревенская скотина, – это означает, что я не брила их не меньше недели, но подбородок чист, а значит, я лежу в этой кровати не больше двух дней. Волосы совсем меня запутали.

Я слышу голоса медсестер, доносящиеся, как я предполагаю, из коридора, и слышу еще что-то. Это не машины, которые поддерживают или не поддерживают во мне жизнь, не болтовня медсестер и даже не слабое жужжание люминесцентной лампы. Я задерживаю дыхание и слушаю. Это же храп Боба!

Я поворачиваю голову – и вот он, спит в кресле перед бежевой занавеской.

– Боб?

Он открывает глаза, видит, что я смотрю на него, и рывком выпрямляется:

– Ты очнулась!

– Что случилось?

– Ты попала в аварию.

– Со мной все в порядке?

Он бросает быстрый взгляд на мою макушку, а потом старательно смотрит не на нее, а мне в глаза.

– С тобой все будет хорошо.

Выражение лица Боба напоминает мне его гримасы во время матчей «Ред Сокс». Конец девятого, последнего иннинга, два аута, счет три – два, на поле никого, и бостонцы отстают на четыре пробежки. Боб хочет верить, будто они еще смогут победить, но понимает, что они наверняка уже проиграли. И это разбивает ему сердце.

Я трогаю скобы на своей голове.

– Тебе сделали операцию, чтобы ослабить давление. Врач сказал, ты отлично ее перенесла.

Его голос дрожит. «Сокс» не просто проигрывают – они играют с «Янкиз».

– Сколько я уже здесь?

– Восемь дней. Тебе давали успокоительные. Большую часть времени ты проспала.

Восемь дней. Я провалялась без сознания восемь дней. Я снова трогаю бритую голову.

– Наверное, я ужасно выгляжу.

– Ты прекрасна.

Да ладно. Я собираюсь поддразнить его за такую слюнявую сентиментальность, как вдруг он начинает плакать, и я ошарашенно закрываю рот. За те десять лет, что я знаю и люблю Боба, я ни разу не видела его в слезах. Несколько раз он чуть не разрыдался: когда «Ред Сокс» выиграли мировую серию в две тысячи четвертом и когда родились наши дети, но его слез я не видела никогда. Я плачу легко: когда смотрю новости, когда кто угодно поет государственный гимн, когда умирает чья-нибудь собака, когда на меня слишком много сваливается дел на работе или дома... И сейчас, когда плачет Боб.

– Мне так жаль, извини меня, – всхлипываю я вместе с ним.

– Не извиняйся.

– Прости.

Я протягиваю руку и касаюсь его мокрого искаженного лица. Видно, что Боб изо всех сил старается загнать эмоции обратно, но сейчас он как взболтанная бутылка шампанского, а я взяла и вытащила пробку. Только никакого праздника нет и никто не радуется.

– Не извиняйся, Сара. Просто не уходи.

– Да ты посмотри на меня, – говорю я, указывая на свою голову. – Разве похоже, что я куда-то собираюсь?

Он фыркает и вытирает нос рукавом.

– Со мной все будет хорошо, – говорю я с печальной решимостью.

Мы киваем друг другу и пожимаем руки, заключая соглашение о будущем, о котором понятия не имеем.

– Дети знают? – спрашиваю я.

– Я им сказал, что ты уехала по работе. У них все нормально, на работе как обычно.

Хорошо. Радует, что Боб не сказал детям, что я в больнице. Не нужно их пугать. Я обычно провожу с ними дома час или два перед школой и час перед сном, но также вполне нормально, что иногда мне приходится работать допоздна и не видеться с ними вечером. Они привыкли и к моему довольно плотному графику командировок, когда меня нет несколько дней подряд. Однако если я еду в командировку, то обычно отсутствую не больше недели. Интересно, как долго мне нужно пролежать в больнице, чтобы они по-настоящему забеспокоились, где я.

– На работе знают?

– Да, они и прислали большую часть открыток. Велели ни о чем не волноваться и поправляться.

– Каких открыток?

– Вон там, на стене прилеплены.

Я смотрю на стену, но не вижу на ней ничего прилепленного. Наверное, они за занавеской.

– Как долго мне придется здесь оставаться?

– Не знаю. Как ты себя чувствуешь?

Моя голова больше не горит и, что удивительно, не слишком болит. Однако болит все тело – так, по моим представлениям, чувствует себя боксер после боя. Проигравший боксер. Еще и сильная судорога в правой ноге. Я заметила, что иногда какой-то прибор на ноге массирует мышцы, и становится легче. И совсем нет сил. Один только разговор с Бобом всего за несколько минут меня вымотал.

– Честно?

– Ну да, – отвечает он, и я чувствую, как он готовится к чему-то ужасному.

– Я помираю с голоду.

Боб с облегчением улыбается:

– А чего бы тебе хотелось? Достану что угодно.

– Как насчет супа? – Суп мне, наверное, можно. Сомневаюсь, что мне сейчас разрешат есть все что угодно.

– Считай он твой. Сейчас сбегаю.

Боб наклоняется и целует меня в запекшиеся губы. Я вытираю слезы с его щеки и подбородка и улыбаюсь. Потом он исчезает за уродливой бежевой занавеской.

Опять только я и люминесцентная лампа. Яркий свет, попискивание, жужжание и бежевая занавеска. И где-то за ней, на стене, милые открытки с работы с пожеланиями поправляться.

Глава 8

– В чем дело, Сара? Вы не хотите обедать? – спрашивает медсестра.

Я уже некоторое время смотрю на очередную миску куриного бульона с вермишелью, гадая, как же его есть. Пахнет он восхитительно. Наверняка его запах гораздо лучше, чем вкус, к тому же суп уже остывает и подернулся жирком, но я умираю с голоду. Я хочу его съесть.

– У меня нет ложки.

Медсестра смотрит на мой поднос, потом опять на меня.

– А как насчет шоколадного кекса?

Я смотрю на поднос, с которым сижу, потом опять на медсестру.

– Какого кекса?

Совершенно из ниоткуда медсестра достает ложку и кладет завернутый в целлофан кекс на поднос рядом с тарелкой супа. Я пялюсь на нее так, будто она только что вытащила четвертак у меня из уха.

– Вы не видели их на своем подносе? – спрашивает она, вручая мне ложку.

– Их там не было.

– Но теперь вы их видите, – говорит она, более утвердительно, чем вопросительно.

– Ну да.

Я заглатываю ложку бульона. Я была права: не суп, а помои. Перехожу к кексу – шоколад съедобен всегда.

– Я вернусь через пару минут с доктором Квоном, – говорит медсестра.

«Отлично. Может, заодно наколдуете мне стакан молока?»

Азиат в белом халате стоит в изножье моей кровати, держит планшет с бумагами и, щелкая шариковой ручкой, перелистывает страницы какой-то папки – наверное, моей медицинской карты. Лицо его совершенно гладкое, ослепительно красивое. На вид человеку в халате можно дать лет восемнадцать. Однако я предполагаю, что это доктор Квон, мой лечащий врач, и в таком случае лучше бы ему иметь не столь скрывающую возраст наследственность и быть не моложе тридцати.

– Сара, рад видеть, что вы очнулись. Как себя чувствуете?

Встревоженной, уставшей, испуганной.

– Хорошо.

Он щелкает ручкой и что-то пишет. Ого, да меня же проверяют! Надо сосредоточиться. В чем бы ни состояла проверка, я хочу получить пятерку. Я хочу поехать домой, хочу на работу.

– Как, по-вашему, мои дела? – спрашиваю я.

– Хорошо. Все выглядит довольно хорошо, учитывая обстоятельства. Поступили вы со значительными повреждениями. У вас был вдавленный перелом черепа и небольшое мозговое кровоотечение. Нам пришлось вскрыть череп и выкачать кровь. Мы удалили все, но с учетом кровоотечения и воспаления вы подвергались некоторой опасности. Томограмма показывает, что ваш мозг немного уменьшился в объеме. Однако вам повезло, что удар пришелся справа, а не слева, иначе бы вы, возможно, сейчас со мной не разговаривали.

Вроде бы ответ начался с «хорошо», но мне трудно отыскать хоть какое-то подобие «хорошо» в последующих словах, даже когда я прокручиваю их в уме. «Повреждение мозга». Мне это кажется полной противоположностью «хорошо». Неужели он еще сказал «повезло»? У меня голова кругом идет.

– Вы можете позвать моего мужа? Я хочу, чтобы он слушал это вместе со мной.

– Я же здесь, – удивляется Боб.

Я поворачиваюсь посмотреть на него, но его там нет. В палате только я и красавчик-доктор Квон.

– Почему ты смотришь на стул? Я здесь, – говорит Боб.

– Боб? Я не могу тебя найти.

– Встаньте с другой стороны от меня, – советует доктор Квон.

– Вот ты где! – говорю я, будто мы играли в «Где наш малыш?».

Странно, что секунду назад я не могла его увидеть. Может быть, авария повлияла на мое зрение? Может, Боб стоял слишком далеко сзади? Доктор Квон поправляет мою кровать, так что теперь я сижу прямо.

– Сара, сосредоточьтесь на моем носу и говорите, когда вы видите палец.

Он держит указательный палец рядом с моим ухом.

– Я его вижу.

– А сейчас?

– Да.

– Сейчас?

– Нет.

– А сейчас?

– Нет.

– Она ослепла? – спрашивает Боб.

Конечно же, я не ослепла. Что за идиотский вопрос? Доктор Квон светит мне в глаза фонариком. Я вглядываюсь в его кофейные глаза, а он изучает что-то в моих.

– Следите за фонариком. Хорошо. Нет, области мозга, отвечающие за зрение, не были повреждены, и ее глаза выглядят прекрасно.

Он вытаскивает из планшета лист бумаги, кладет на мой обеденный столик, поворачивает его ко мне и дает мне ручку. По всему листу разбросаны прописные и строчные буквы.

– Сара, можете обвести мне все «А»?

Я это делаю.

– Вы уверены, что нашли все? – спрашивает доктор Квон.

Я проверяю свою работу:

– Да.

Он достает еще один лист.

– Можете нарисовать вертикальную черту по центру каждой из этих горизонтальных линий?

Я делю девять линий пополам. Смотрю на доктора, готовая решить очередную головоломку.

– Готово? Ладно, давайте уберем столик. Можете вытянуть обе руки перед собой, ладонями вверх?

Я делаю это.

– Вы подняли обе руки?

– Да.

– Она парализована? – спрашивает Боб.

Что за дурацкий вопрос опять? Он что, не видит, как я двигаюсь?

Доктор Квон простукивает мою руку и ногу маленьким резиновым молоточком.

– Нет, слева она немного слабее, но это должно пройти со временем после реабилитации. У нее синдром игнорирования левой стороны. У пациентов с поврежденным правым полушарием такое встречается довольно часто, обычно после кровоизлияния или инсульта. Ее мозг не обращает внимания на все, что находится слева от нее. Лево для нее не существует.

– Как это не существует? – удивляется Боб.

– Вот так. Она не будет замечать вас, пока вы стоите слева от нее, не тронет еду на левой стороне тарелки и может даже не верить, что левая рука и нога принадлежат ей.

– Потому что лево для нее не существует? – переспрашивает Боб.

– Именно так, да.

– Это выправится? – спрашивает Боб.

– Может, да, а может, и нет. У некоторых пациентов симптомы рассасываются в первые несколько недель, когда проходит воспаление и мозг исцеляется. Но у некоторых такое состояние сохраняется, и лучшее, что можно сделать – научиться с ним жить.

– Без левой стороны, – уточняет Боб.

– Да.

– Она, кажется, даже не замечает, что ее нет, – говорит Боб.

– Да, это верно для большинства пациентов в острой фазе сразу после травмы. Она по большей части не осознает того, что чего-то не воспринимает. Не замечает, что у всего отсутствует левая сторона. Для нее все на месте и все нормально.

Я, может, и не осознаю, что чего-то не воспринимаю, но доктор Квон и Боб, похоже, не осознают, что я все-таки здесь.

– Ты знаешь, что у тебя есть левая рука? – спрашивает меня Боб.

– Конечно же, я знаю, что у меня есть левая рука, – отвечаю я, обескураженная нелепым вопросом.

Но потом я обдумываю этот нелепый вопрос. Где моя левая рука? Понятия не имею. О господи, где моя левая рука? А как насчет левой ноги? Ее тоже нет. Я шевелю пальцами правой ноги. Пытаюсь послать такой же приказ левой ноге, но мой мозг возвращает его с пометкой «Извините, такого адреса не существует».

– Боб, я знаю, что у меня есть левая рука, но не представляю, где она.

Глава 9

Я в больнице уже почти две недели. Меня перевели из реанимации в отделение неврологии, где я в последние пару дней работаю любимой морской свинкой доктора Квона. Он хочет побольше узнать о синдроме игнорирования, прежде чем меня отправят на реабилитацию. Доктор Квон говорит, что это состояние не так уж изучено, и эта новость кажется мне более чем удручающей. Но может быть, он откроет на моем примере что-нибудь такое, что продвинет клиническое понимание синдрома игнорирования вперед. И может быть, это мне поможет. Я рада сотрудничеству, потому что изучение моего состояния подразумевает только вопросы, головоломки, ручку и бумагу, а не уколы, анализы крови и томограммы мозга. И все это занимает довольно много времени, которое иначе мне было бы нечем заполнить, кроме навязчивого беспокойства по поводу работы, тоски по Бобу и детям и разглядывания люминесцентной лампы и облупившейся краски на потолке. Так что мы с доктором Квоном проводим время с пользой и удовольствием.

Отвечая на вопросы и решая головоломки, я стараюсь работать с доктором Квоном совместно; как ни странно, я нахожу это увлекательным по сравнению с безнадежным страхом, что я больше никогда не замечу ничего слева от меня и не научусь этим пользоваться. Я даже не осознаю, что что-то проигнорировала, пока доктор Квон или кто-нибудь из моих терапевтов или медсестер не скажет мне, что я пропустила. А когда я понимаю, как много всего для меня не существует, то вместо того, чтобы заливаться слезами или стенать «О, как это ужасно, это поистине чудовищно», я выдавливаю из себя самую позитивную мысль, какую только могу придумать. Обычно это что-то вроде «вау!». Чувствую я себя при этом так, будто мэр Думсвилля предлагает мне ключи от города, но я изо всех сил стараюсь даже не заглядывать за городские ворота.

Кроме того, мне очень нравятся тесты с рисунками. Кажется, прошел миллион лет с тех пор, когда я повсюду таскала с собой блокнот для рисования. В колледже я специализировалась по экономике, но набрала почти столько же курсов по графическому дизайну, живописи и искусствоведению. Я пытаюсь вспомнить, где на моем захламленном чердаке сложены альбомы, но не могу их найти. Возможно, они где-то слева. Надеюсь, я их не повыбрасывала.

Доктор Квон просит меня нарисовать цветок, часы, дом, лицо.

– У вас очень красиво получается, – говорит он.

– Спасибо.

– Вы нарисовали все лицо?

– Да.

Я смотрю на свой рисунок с гордостью и любовью: я нарисовала Люси. Пока я восхищаюсь ее милым личиком, в мою голову закрадывается сомнение.

– Разве нет?

– Нет. Сколько глаз обычно у людей?

– Два.

– Вы нарисовали два?

Я смотрю на портрет Люси.

– По-моему, да.

Доктор Квон щелкает ручкой и что-то пишет. Он пишет что-то нехорошее про мой портрет Люсены-Гусены, а никто не имеет права этого делать. Я поддвигаю лист бумаги к нему:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.